

THE HORUS HERESY

Nick Kyme

PROMETHEAN SUN

Into the fires of war

Текст взят с сайта warforge

- [Ник Кайл](#)
 -
 - [Другие](#)
 - [Примечания.](#)
-

Ник Кайм

Солнце Прометея.

В пламя войны.

Ради всех истинных сынов
Прометея... жги, детка, жги!

--- DRAMATIS PERSONAE ---

Саламандры

Вулкан Примарх

Нүтеон Капитан 1-ой роты и глава
Погребальной Стражи

Баррун Погребальный Страж

Атанарий Погребальный Страж

Ганн Погребальный Страж

Лоедракк Погребальный Страж

Скатар'вар Погребальный Страж

Узатарон Погребальный Страж

Тека'тан Капитан 14-ой роты

Каитар Боевой брат 14-ой роты
Люминор Антекарий 14-ой роты
Анжевион Боевой брат 14-ой роты
Түвар Боевой брат 14-ой роты
Оранор Боевой брат 14-ой роты
Баннон Сержант 14-ой роты
Гравий Капитан 5-ой роты
Почтенный брат Амтион Дредноут

Гвардия Смерти
Мортарион Примарх

Железные Руки
Феррус Манус Примарх
Габриэль Сантар Капитан 1-ой роты

154-ый экспедиционный флот
Глаиварзель Отообразитель и
интератор
Вераче Отообразитель

Имперская Армия
888-ая фаэрийская Армейская дивизия,
включающая подразделения
наблюдателей и дисциплинарных
наблюдателей.

Жители древнего Ноктюрна

Н'бел Кузнец из Гесиода

Бреугар Работник по металлу из
Гесиода

Горв Хранитель равнин Гесиода

Рек'тар Старший горнист Гесиода

Бан'не Король племён Фетиды

Другие

'Чужеземец'

--- Не понимаю. Ты
вырастил меня. Научил
охотиться копьем и луком. Я
живу в твоём доме и тружусь в
твоей кузнице. И ты хочешь,
чтобы я поверил, что я не твой
сын? Так кто мой отец?

--- Вулкан с
Ноктюрна

Никто не заметил, как он умер.
Джунгли словно ожили и забрали человека.
Рядовой беззвучно исчез. Его убийца
двигался слишком быстро, сливался с
теньями, пока не исчез в жарком тумане.
Свет едва пробивался через густую крону.
Люди, кричащие и паникующие в плотной
колонне, потянулись за фонариками. В
зловещем сумраке было душно. От жары

воздух стал гуще, но тела солдат остужали
растущий страх. От прямых лучей света
ночные жуки попрятались по ложбинам.
Лозовые змеи застыли, подражая своим
тёзкам в надежде, что их не заметят.
Если бы только люди могли так же
поступить, и хищник исчез... Плоские
листья, которые на самом деле и
листьями-то не были, вздымались и
опали, но не было видно ни следа
чужовища. Крики стихли, сменялись
напряжённой тишиной, словно джунгли
поглотили голоса и похитили решимость
солдат. Дисциплинарный надзиратель 888-
ой фаэрийской Имперской Армии поднял
сжатый кулак.

Стойте. Стойте стирно... и
слушайте. Если мы будем слушать, то
выживем.

Его парча и куртка казались не к
месту среди обнажённых широких торсов
подчинённых. Фаэрийцы, обитатели мира
стерти, были свирепыми могучими
людьми, привычными к дельтам рек и
непролазным болотам. С патронашей
свисали черепа, лязгавшие зубами словно

от веселья. Вспыльчивые лица испещрили
камүфляжные татүировки, но они не
могли скрыть страх. А ведь это фаэрийцы
должны были его внүшать.

В этот миг стүк сердец в двүх
тысячах грудных клеток был громче всего
джүнглях. Лес словно затаил дыхание.

Погнав посох карателя,
дисциплинарный надзиратель собирался
отдать приказ наступать, когда
киберастреб на его плече завопил.
Слишком поздно. Слово вновь деляя вдох,
часть джүнглей открылась и поглотила
надзирателя. Только что он был здесь, а
затем исчез. Как рядовой. Фаэрийцев
хватали по одному.

Выстрелы десятка рүжей мгновенно
үстретились к оставленной надзирателем
дыре, но след простыл прежде, чем
солдаты поняли, что целятся в никүда.
Никакие приказы надзирателей не могли
помешать двүхтысячной пехотной группе
открыть шквальный огонь из
автокарабинов и гробовиков. Раскалённые
лазерные лучи и пүли летели во все
стороны, люди выплёскивали свой страх.

пока не опустели магазины. Отделения стрелков «Ранир» и «Тарантулов» прибавили обстрелу тяжёлой огневой мощи. Густые джунгли вблизи за минуту превратились в покрытую обломками поляну. Электрохлысты и усиленные воксом до раздирающей уши громкости приказы в конце-концов остановили безумие.

Опустилась тишина, нарушаемая тяжёлым дыханием и нервным шёпотом.

Передышка была недолгой.

Из тьмы пришли чудовища. Огромные звери, чьи завывания были громче, чем у любого аугментированного надзирателя, врезались в колонну, десятками убивая фаэрийцев. На одном фланге строй дрогнул и сломался, когда в него врезались огромные покрытые чешуёй твари с защищёнными костяным панцирем рогами и мордами. Первых погибших солдат попросту расплющило, а следующие взмыли в воздух. За исполнителями мчались другие звери, меньшие, но всё же намного превосходящие размерами человека. Ящеры, как и их

крупные сородичи, но обликом и природой скорее подобные птицам. Они кружили и набрасывались на разбитые взводы, разрывая людей когтями маленьких лап. Столь сильная раздвоенность сделала фаэрийцев лёгкой добычей. Всадники в капюшонах спокойно стреляли из длинноствольных ксеноружей, их конические шлемы сверкали жемчужной белизной.

Над головой вопль разорвал воздух, и миг спустя сквозь полог леса прорвалась стая крылатых ящеров. Удачный выстрел «Рапиры» разогнал перепонки крыльев, послав всадника и его зверя в смертельное пике, но их родичи в клочья разорвали приковавших стрелков.

Воздух стал густым от крови, когда потрепанное подразделение собралось на созданной поляне. Это была уже не колонна, а медленно сжимающийся круг — жалкая защита от чужаков и их чешуйчатых зверей. Это место не подходило для последнего боя, и вскоре солдаты Империи вновь бежали во тьму. Ветви ожили, хватая за локти и колени, болота

открылись, чтобы поглотить людей целиком. Поднялись стаи мошкары, забивающей рты и уши. Джунгли словно ожили, чтобы прогнать чужаков.

--- Вперёд, во имя Терры! --- закричал надзиратель, а затем его шею пробил копё чужака. Его хозяин презрительно стряхнул тело, нависнув над отрядом раненых фаэрийцев на скакуне-ящере. Значение злобещего взора чужака было ясным.

Смерть захватчикам.

Он ринулся вперёд. Звучный боевой клич прогремел в джунглях подобно грому, созывая других всадников, и фаэрийцы обратились в бегство. Треск обрезов и автокарабинов был недолгим и бесполезным. Задние ряды, которыми повезло ещё не оказаться пронзёнными, раздавленными или разорванными, просто бежали. Эти люди, эти громилы с тира смерти, были от ужаса, продираясь сквозь жаркую топь. Спущенные с поводка крылатые звери выбирали себе лакомые кусочки и уносили прочь --- к трачному удовлетворению загадочных хозяев.

То была резня, люди стали
кушаньями на пире хладнокровных ящеров.

С высоты джунгли казались океаном
огня. Красные и охряные листья
колебались в густых кронах словно
расходящаяся по воде кровь. Было видно,
как охотящиеся птерозавры пикируют в
незаметные прорехи сплошного оранжевого
леса.

Голос эхом отдался во тьме недр
корабля.

— Милорд, они напали на авангард
Армии.

Огромный человек вдохнул во трубу
запах пепла и угля. Где-то позади медленно
гасли последние угли ритуального костра.
Когда он поднял взор, в глазах отразилось
пламя жаровен. Во трубе великан
выглядел таким же чешуйчатый, как и
чужовища джунглей.

В глубоком как сама бездна голосе
протелькнуло сочувствие.

— Пошлите Легион.

Тяжёлый гул двигателей пробился в джунгли. Внизу, где царил хаос, и шла необузданная жатва человеческих жизней, немногие выжившие фаэрийцы посмотрели наверх. И словно незримая рука отогвинула полог, чтобы открыть плоские бока десантно-штурмового корабля. Абордажный трап был откинут, а тьму в чреве «Грозовой птицы» освещал сонм красных как пламя линз — пассажиры завершали клятвы битвы.

Первый из воинов с оглушительным грохотом опустился на землю. Взвил ценной клинок, великан в зелёных как лес доспехах навёл болт-пистолет.

— Ко мне! За свободу человечества и во славу Терры!

Подобно бьющим по земле молниям к нему присоединились другие крестоносцы в доспехах, несущих на наплечниках знак оскалившегося дракона.

Мы рождены в огне.

И все как один закричали.

--- Вулкан!

Он уже сражался с эльдарами, но всё было иначе. Направленным на 154-ый экспедиционный флот Саламангранта поручили сражаться с налётчиками-пиратами --- совершенно отличными от обитателей джунглей существами. То были ужасные суккубы, затянутые в кожу и увешанные тясницкими ножами. Они появились из ниоткуда, словно часть пустоты отделилась от целого, и выотпрошили два фрегата прежде, чем вмешался XVJJJ Легион и отбросил ксеносов. Ноктюрнцы звали их «сүтеречными призраками». То были злые духи, похитители душ, и воин ненавидел их от всей накопленной культурной памяти своего народа.

Перед этой битвой Гека'тан ещё не скрещивал клинки с наездниками на драконах. Обитающие в лесах чужаки не были такими технологически продвинутыми, как их родичи, но они всё равно были эльдарами. И были быстры.

--- Вниманье, слева, --- раздавшееся на

командной частоте отделения также отразилось иконкой на ретинальных линзах. Он по-прежнему водил пушечным, стреляя на полув автоматическом режиме по врагу столь лёгкому на ногу, что целеуказатель не мог уследить. Выстрелы разрывали листву. — Огонь очередями.

Легионеры перестали целиться и сфокусировали огонь на указанных зонах. Яростный обстрел поверг всадника и трёх его родичей.

Гека'тан увидел, как брат Каитар опустился на колени и провёл по наплечнику пальцем, покрытым перчаткой одного из медленно гаснущих на поляне огней.

— На наковальню, капитан.

Гека'тан улыбнулся под лицевой пластиной и резко отсалютовал брату. Затем он открыл канал связи роты.

— Всеё 14-ой. Вперёд.

Многочисленные «Грозные птицы» прорвались через покров леса, неся воинов XVJJJ Легиона на помощь разбитой партии. Они построились быстро и

методично — сыны Вулкана ожидали, что отец присоединится к ним, когда станет погорячее.

Несколько отделений из роты Тека'мана собрались, и стена болтерного огня озарила джунгли, гоня прочь тьму и разрывая деревья в щепки. Авангард альдаров слабел. Птерозавры взмывали в воздух и исчезали в разрывах полога, взывая о мщении. Ряды стегозавров выступили из-за отступающего заслона всадников на ранторах в попытке задержать легионеров.

Коротким боевым знаком Тека'ман приказал выдвинуться дивизиону тяжёлого вооружения.

Усходящий от конденсаторов звук поднялся от тихого гула до тяжёлого стука, когда конверсионные излучатели достигли готовности к стрельбе. Раскатыстый хлопок вырвался из нацеленных наконечников, когда энергетические орудия рассекли листву. Взрыв поглотил стегозавров и не оставил ничего, кроме влажных осколков костей.

Быстрый двойной щелчок пальцев

стал сигналом, что пора вновь открыть огонь из болтеров. Тека'тан повёл воинов вперёд, убрав пистолет, когда Саламангры получили контроль над полем боя. Решимость солдат медленно возвращалась. Их воодушевило появление легионных астартес, непоколебимо шагающих мимо грожащих фаэрийцев.

Тека'тан недовольно посмотрел на армейского надсмотрщика, пытавшегося восстановить порядок во взводе.

--- Солдат, вежи за мной своих людей.

Надсмотрщик резко отсалютовал капитану.

--- Во славу Терры и Императора! --- он отвернулся и с новой силой заорал на солдат. По всем джунглям Саламангры брали на себя командование подразделениями армии и расчищали путь. С легионом на острие солдаты шли следом для поддержки.

Эльдары упорствовали, несмотря на гибель стегозавров и многочисленные поражения, которые они претерпели на двукilометровом отрезке столкновения с Саламанграми. Со спин скакунов-ящеров

всадники выпустили достойный стехашквал ружейного огня. Птерозавры совершали молниеносные нападения на легионеров, пока слишком многие не погибли от болтеров Саламандр. Загнанный в угол стегозавр решительно топал вперёд, пока его не разорвала ракета. Падая, зверь перевернулся и раздавил двух всадников на ранторах.

Против легионных астартес не действовала любимая эльдарами тактика налёта и отскока.

Саламандры наступали, и джунгли перед ними начали меняться. Ветви переплетались, листья и лозы сливались воедино. Спустя считанные минуты перед легионерами встала сплошная стена. Через ретинальные линзы боевого шлема Тека'тан продолжал видеть многочисленные следы тел — враг поджигал их во траке. Быстро движущиеся отряды воинства эльдаров вновь их окружали. Стаи ранторов яркими отпечатками тепла проносились по периферийному зрению, а их родичи птерозавры садились на самые высокие

деревья, готова засаду.

Уконка пятого сержанта Баннона вспыхнула на левой ретинальной линзе. Тека'мана вместе с информацией о целях, когда капитан открыл канал связи.

--- Брат, ад и плата.

Вспыхнул символ подтверждения, а затем все Саламандры отступили в соответствии с протоколами огня на подавление. Надсмотрщик, чей взвод присоединился к отделению Тека'мана, принял это за намёк познать сплотившихся фаэрийцев вперёд, но легионер остановил его.

--- Не сейчас, --- сказал он, задержав солдата.

--- Мой господин, мы готовы умереть во славу Императора!

--- Так и будет, человек, но выступи вперёд сейчас, и твоя смерть будет бесцельной, --- Тека'ман показал мечом направление в рядах Саламандр.

Сержант Баннон вывел вперёд шесть отделений огнемётчиков.

--- Ад и плата!

Ответом его крику стала

пульсирующая волна раскалённого прометия. Джунгли съжились от жара. На флангах раздалась взрывы, когда кружащие ранторы наткнулись на растяжки осколочных гранат, заложенных скаутами Саламандр, которые незримо действовали на окраинах зоны боевых действий.

Небо наполнили десантные корабли, разоряющее джунгли пламя отразилось от их металлических животов. Обгорелые кусты и хрустящие кусты ломались от исходящих из спусковых двигателей «Грозовых птиц» воздушных потоков. Запахло перлом. Всё горело. Пока бушевал огненный шторм, Гека'тан смотрел на небо. Один корабль, державшийся отдельно от остальных, ещё не изверг свой груз.

--- Отец не с нами.

Гравий тоже заметил отсутствие примарха.

Брат-капитан и товарищ Гека'тана был достаточно близко, чтобы было видно, что он тоже смотрит на окутанные дымом небеса. Его 5-я рота наступала рядом. Более четырёхсот легионных

астартес для устирения простого участка джунглей -- в голову приходят мысли о чрезмерном применении силы.

Тека'тан ответил по закрытому каналу.

-- Гравий, он скоро придёт. Когда будет нужен.

Но трап одинокой «Грозовой птицы» оставался неподвижен.

Обычный человек не выжил бы в таком жаре.

Но воины внутри даже не потели. Они ровно дышали в покрытых зубцами драконьих доспехах. Размеренные выдохи наполняли воздух привкусом серы.

Один воин стоял отдельно от остальных. Его скрытые латными перчатками кулаки сжимали зазубренную алебарду. Острые драконьи зубы глиной с половину гласия свисали с боков шлема, удерживаемого другой рукой. Палуба неистово дрожала от силы двигателей «Грозовой птицы», но воин оставался неподвижным как статуя. Гребень красных волос словно клинком рассекал

тысячу голову на две идеально ровные
полусферы. Он склонился, обратившись к
стоявшему в конце трюма великану.

— Легион выступил. Милорд, мы
выступим в бой?

И голос из бездны ответил.

— Ещё нет. Подождёт, пусть их
закалит наковальня.

Вырывающийся через лицевую
решётку воздух превращался в туман.
Тека'тан проверил автоматизма успеха —
температурные показатели ниже точки
заморозки. Проступающая на изувеченных
деревьях изморозь заставила его
отбросить мысли о системных
неполадках. Лёд и снег погасили буйство
огня. Реагируя на нападение, Баннон
заработал усерднее и приказал боевым
братьям открыть сопла огнеметов.
Ненадолго вспыхнул жаркий свет, но корка
льда лишь укрепилась и медленно
оттеснила пламя.

Прометий быстро кончался. Сержант
Баннон больше не мог поддерживать
огненный шторм без перезарядки. И теперь

покрытые изморозью листья, занесённые
снегом следы и лёд скрыли порождённую
огнёмётами обугленную пустошь.
Изуродованные деревья стали
кристаллическими скульптурами, а
увядшие ветви кустов превратились в
ледяные клинки — сверхъестественная
зима пришла в джунгли. За агрессивным
холодным фронтом так же быстро
наступала оттепель. Из под снега
проступали листья. Свежие почки
появлялись из пепла и за мгновения
вырастали из побегов в настоящие деревья.
Тропический жар вернулся, и учинённого
Саламанграми разрушения по большому
счёту не стало.

Этому могло быть лишь одно
объяснение, о котором знал Гека'тан.

— У чужаков рядом псайкеры. Найти
их, — прошептал он по каналу связи

Но воинам не пришлось охотиться на
ведьм — они сами вышли из леса в ореоле
зелёных молний. Одна из них ударила в
грудь легионера, возвестив о прибытии
псайкеров. Крошечная рябь энергии
разошлась от места удара, а брат Оранорк

содрогнулся от удара током. Отделение
среагировало прежде, чем его дытящийся
трун упал на землю. Взрывы болтов
расцветали и исчезали на психических
оберегах эльдаров, Салатандры бессильно
изливали свой гнев. Шабаши из двенадцати
ведьм сообща творил заклинания, то
нападая, то защищаясь. Невидимые
кинетические щиты эфемерно возникали
на пути ракет. Выстрелы огнемётов
окутывали психические щиты злобещим
оранжевым светом, но ведьмы оставались
невредимыми и обрушивали на легионеров
щупальца молний, легко пробивающих
доспехи.

Гека'тан напряжённо вслушивался в
рёв бури.

--- Поют, брат-капитан? --- спросил
Лютинор, его аптекарий.

Капитан медленно кивнул. Он увидел
на шабаше ведьму с обнажённой головой. Её
губы действительно двигались в такт
мерзкому песнопению.

--- Это колдовство. Оградите от него
свои чувства.

--- Что-то происходит... --- брат

Ангвенон, стоявший у другого плеча капитана, махнул острой сариссой на болтере.

Тека'тан слишком поздно заметил опасность.

--- Отходим!

Из земли вырвался огромный переплетённый корень и схватил авангард Саламангр --- колдовство эльдаров натравило на них сами джунгли. Вспомогательные отряды армии задыхались и погибали. Тека'тан размахивал ценным мечом, но механизм быстро загрязнился и сломался, завязшие зубья остановились. Он боролся с побегати, но корни и лозы обвили руки и тянули вниз. Мускулы рук и спины болели от напряжения. Капитан потянулся к надзирателю, но он и солдаты быстро задохнулись. Скорчившиеся тела забились в предсмертной агонии, а затем их полностью поглотили джунгли.

Слабые изменение призывной песни ведьмы заставили змеящиеся корни сжаться ещё сильнее, вырывая оружие и удерживая руки. Саламангры боролись, но

их засасывало в землю так же, как и простых людей.

--- Разворот! --- сержант Баннон отправил своих огнемётчиков в бой против живых джунглей, но все шесть отделений схватили прежде, чем они успели выпустить остатки топливных баков.

Всю линию фронта Саламангр окутали дущащие и сгавливающие растения, наступление остановилось.

Раздались радостные возгласы всадников на ранторах, а за ними трубный рёв стегозавров. Но доспехам Саламангр метались тени птерозавров, что кружили и проносились над головой.

--- Вырывайтесь! Бейтесь! --- Тека'тан высвободил запястье и выпустил в липкое месиво очередь разрывных болтов. Так же поступила его почётная стража, ценные мечи и гладиусы впились в одержимые деревья.

Он слышал, как впереди вновь собираются эльдары.

Но на тот раз не огни.

От тихого рёва под ногами Тека'тана

огрогнүлась земля. Он оставил попытки
высвободить руку с мечом, чтобы
проследить источник звука. Из лесных
глубин к натиску воодушевлённых эльдар
присоединилась стая огромных альфа-
хищников — карнагонов, зверей в три раза
выше легионера с мощными связками
мускулов под чешуйчатой шкурой. Эти
ящеры были не такими громоздкими, как
стегозавры, они променяли массу на
стертельную скорость и челюсти с
достойными пилы зубами. Холодный разум
сверкал в глазах чудовищ, а на их спинах
восседали величественные словно свирепые
короли джунглей всадники-эльдары.

Стая хищников вырвалась вперёд
сплотившихся эльдаров, легко обогнав
меньших ранторов и неповоротливых
стегозавров. Даже птерозавры, чьи
всадники словно пагальщики кружили над
полем брани, явно не испытывали желания
напасть, когда карнагоны так близко.

Гека'тан знал, что пойманные в
ловушку Саламандры понесут тяжёлые
потери. Он видел, как на правом фланге
почтенный брат Амтион вырвался из

лесных оков и встретился наперерез
одному из альфа-хищников. Дредноут
обрушил на него силовой кулак, выбив из
пасти чудовища фонтан крови. Амтион
попытался навести тяжёлый болтер, но
удар лапы отвёл его вниз, и очередная
разорвала землю, а не плоть.

Схватив карнагона за шею силовым
кулаком, дредноут удерживал его
щёлкающую пасть на расстоянии и
пытался повалить зверя. Поршни ног воина
напряглись, противостоя мощи свирепого
хищника. На скрытой шлеме голове, так
похожей на головы его братьев, не было ни
следа эмоций, хотя ретинальные линзы
сверкали в подражание пламенному взору
Саламангр, а вой подающих энергию
сервомоторов выдал борьбу,
разыгравшуюся между зверем и человеком-
машиной.

Амтион выпустил струю огня из
встроенного в плечо оружия и на миг
получил преимущество, пока взмах
тяжёлого хвоста карнагона не выбил ноги
из-под Саламангры. Воин выпустил шею
зверя и рухнул.

Глаза Гека'тана расширились. Он никогда не видел, чтобы так легко повергали гредноутов -- вечных воителей, удостоенных погребения в могучем костюме чудовищной боевой брони. Прежде чем Аттион смог ответить, чудовище сомкнуло челюсти на секции торса, вмещавшей атрофировавшееся тело почтенного воина, и сжало зубы.

Особые обеты и свитки пергамента, разорванные острыми как бритва клыками зверя, унёс сильный ветер. В один миг исчезли десятилетия славных деяний, исполненные обещания доблести и верности. Невероятно твёрдый адамантий прогнулся и треснул под невообразимым напором. По секции прошли трещины, расширяющиеся у шлема Аттиона. Всё это время всадник-эльдар отстранённо наблюдал. Гробница Саламандра была осквернена. Свирепые крохотные глаза уставились на омытого кровью и атниотической жидкостью легионера. Карнадон взревел, говоря всем о своей удаче и голоде. Яростный оскал обгаренных клыков возвестил судьбу Аттиона. Он

сражался в Войнах Объединения и был
одним из первых рождённых на Терре
воинов восемнадцатого легиона. Плохая
смерть. Когда всё было кончено, карнагон
поднял окровавленную пасть, не наевшись
крошечным кусочком, которым был
Амтион. Всадник чужовища поднял
силовое копьё, подзывая остальных.

Тека'тан усвоил усилия.

Затем удар обрушился на
огнемётчиков Баннона. Карнагоны
попросту раздавили нескольких легионеров,
когти зверей оставили на доспехах
глубокие вмятины. Другого один из зверей
трепал словно куклу, пока не перекусил
Саламангра пополам.

Кровь и потроха сверхлюдей дождём
посыпались на боевых братьев мёртвых
воинов, пробуждая их гнев. Тот же зверь
набросился на Баннона, но сержант
высвободил цепной меч и обрушил его на
нос карнагона. Из рваной раны вслед за
сорванными чешуйками забил фонтан
крови — знак маленькой победы воина.
Баннон попытался увернуться, но
переплетения корней затеглили его

достаточно, чтобы второй зверь оторвал ему руку. Баннон продолжал стрелять из болт-пистолета, истекая кровью и крича на чудовищ.

Всё ещё наполовину зажатый джунглями Тека'тан смотрел на бой, когда по каналу связи протрещал голос сержанта. Его дыхание было неровным, говорить было явно нелегко.

--- Нам крышка, капитан...

Приближались другие ящеры, они набрасывались на раненых и рычали друг на друга, борясь за превосходство и добычу. Избиение огнемётчиков уже началось. Среди них бешевали семь чудовищ, убивая и калеча. А как только до легионеров доберутся меньшие ранторы...

Тека'тан лязгнул зубами. Баннон обречён.

--- Уйди со славой, брат. Тебя будут почитать, --- о, капитан об этом позаботиться. В его отчёте императорам и отобразителям не пропадёт ни одна деталь героизма сержанта.

--- Во имя Вулкана... --- Баннон ответил в последний раз.

И несколько минут спустя огненная буря вырвалась в джунгли. Пламя поглотило карнагонов и самых шустрых ранторов, когда воины Баннона подорвали огнемёты. Огненная стена пронеслась по линии фронта и отыла Саламандр очищающим пламенем, превратив в пепел и сгущившие их корни.

От пойманных отрядов авангарда Армии не осталось и следа. На земле лежали немногие мёртвые или тяжело раненые Саламандры, некоторых наполовину завалило землёй.

--- Отомстил за них! --- Тека'ман закричал по каналу связи.

Остатки горелых растений покрывали поле боя серым саваном. Тека'ман и выжившие пробирались через грязный снегопад из пепла. Впереди, там где огнемётчики отдали свои жизни, в мёртвой зоне словно выросли семь курганов. Они простояли неподвижно лишь несколько мгновений, а затем каждый исчез в лавине сдвинутого пепла. Обожжённые, но очень даже живые карнагоны выпрямились и разом взревели.

бросившись на бегущих к ним Саламандр.

Лишь часть огнемётчиков Баннона сгинула в огненной буре. Многие обгорели и даже обуглились, но поднялись на ноги и присоединились к братьям. Саламандры были стойкими, но для победы над чудовищами требовалось нечто большее, чем упорное нежелание умереть. Призыв Тека'мана сплотиться стал криком, резонирующим с воем цепного клинка. Матрица целеуказателей шлема показывала, что один из карнагонов находится на курсе прямого столкновения — вожак стаи, тот, кто убил Амтиона. Набирающий скорость с каждым широким шагом, зверь мчался словно танк. Его клыки были глиной с цепной мечью. Тека'мана и могли разорвать его доспех с лёгкостью силового топора. Ни один человек, даже костодесантник, не мог надеяться устоять против чудовища...

Но Вулкан был гораздо большим.

Словно чешуйчатый бог припархивался перед Тека'маном. Его доспех был древним и несокрушимым, выкованным самим Вулканом. Головы драконов и языки

огня из редкого кварца гделали броню прекрасной и необыкновенной, а закруглённые на концах пересекающиеся друг на друга пластины цвета глубокого зелёного моря придавали ей облик чешуи. Один наплечник украшала голова Кесаря, зверя, убитого Вулканом гавным гавно. С другой свисала его мантия, чешуйчатый плащ из почти непробиваемой шкуры огненного дракона. Глаза за оскалившейся лицевой пластиной драконьего шлема были глубокими как лавовые разломы, и жар их пронзительного взора ощутитой волной исходил от примарха. Драконий плащ развевался от поднятой «Грозовой птицей» воздушной волны", а по занесённому кузнечному молоту прошёл разряд заточённой молнии.

Когда примарх заговорил, то показалось, что содрогнулась земля, словно один его голос мог сокрушить горы.

— Я Вулкан, и я убивал зверей пострашнее!

Карнагон затеделлся. Сомнение вспыхнуло в его глазах.

Эльдар на спине прокричал резкий

приказ. Его матурированное лицо было открыто и показывало всю глубину ненависти чужака к захватчикам. Оскалив клыки, чудовище встряхнулось и широко распахнуло челюсть, готовясь к смертельному прыжку.

Расправив скрытые бронёй могучие плечи, Вулкан сжал молот двумя руками и взмахнул. Он был быстр, быстрее, чем мог быть любой воин с таким оружием, и застал врасплох эльгара и его скакуна. Удар был зрелищным. Голова карнагона разлетелась на осколки костей, брызги крови и мозгов. От удара прошла дрожь. Тека'тан и бегущие Саламангры попадали на колени. Расширяющаяся ударная волна пошла дальше и врезалась в других карнагонов, которые пошатнулись и врезались в друг друга, прежде чем упасть на землю. Согрогнулись стаи стремительных ранторов, всадники попадали на землю. По инерции бьющееся в судорогах обезглавленное чудовище прорыло в земле глубокую траншею, которая и стала его могилой.

Не глядя на него, Вулкан ринулся на

всё ещё дышащих карнагонов.

За ним последовали семь воинов в
законней чешуе, несущие необыкновенные
клинки и палицы.

— Убить их! — закричал примарх
своей Погребальной Страже, молот
взлетел вновь. Ещё три раза молнии
вырывались из божественного оружия, и
столько же изломанных тел карнагонов
пало на землю.

Воодушевлённые своим повелителем
Салатандры разорвали остальных на
части.

Огонь славы жёг кровь Гека'тана.
Сражаться на одном поле с примархом
было необыкновенной честью. Он
чувствовал себя воодушевлённым и обрёл
новые силы. Огни сломались на наковальне,
но он выжил и закалился, став подобным
несокрушимой стали. Когда всё
закончилось, капитан охрип, а в сердце его
звучала литания войны.

Среди изувеченных трупов чужаков он
встретился глазами с Гравием.

— Брат, на наковальню.

— Я говорил тебе, что он придёт.

Слава легиону, — Гека'тан отсалютовал.

— Слава Вулкану, — возразил Гравий.

Последние из эльдаров бежали, скрылись в джунглях.

Гека'тан наблюдал за ними, а потом посмотрел на Вулкана. Как часто примарх спасал своих сынов от верной гибели, менял ход битвы и сражался, когда всё казалось потерянным? Саламангры были одним из самых маленьких легионов, но служили Великому Крестовому Походу с гордостью и честью. Гека'тан не мог представить, что когда-нибудь это будет не так. Вулкан был стойким и непоколебимым как земля. Он всегда будет их отцом. Ни один ужас не сломит его, ни одна война не будет настолько великой, чтобы он не смог победить.

Сердце капитана переполнилось чувства.

— Да, слава Вулкану.

Нутеон вырвал лезвие алебарды из черепа утирающего стегозабра.

— Милорд, нам нужно начать погоню. Баррун и я позабочусь, чтобы они не

вернулся, — пообещал капитан, свирепосверкнув глазами. Он снял шлем и позволил жару джунглей омыть гладкую эбеновую кожу.

Вулкан поднял руку, не глядя в глаза своего чемпиона.

— Нет. Мы организуем зону высадки и соберёмся с силами. Я намерен сначала переговорить с Феррусом и Мортарионом. Для победы в этой войне и сохранения этой планеты мы должны действовать сообща. Земля здесь богата и может многое дать крестовому походу, но только если её не испортит война за приведение Один-Пять-Четыре к покорности.

Холодный, методичный способ называть мир. Это значило четвёртую планету, которую приведёт к покорности 154-ый экспедиционный флот.

— Не думаю, что они мыслят так же.

Они стояли отдельно от остальных, услышать их мог только немой Варрун. Вокруг на поле боя гревели равнодушные и спорадические выстрелы, Саламандры казнили выживших ксеносов. Ещё дальше дисциплинарные надзиратели созывали

отряды армии и проводили проверку их численности.

--- Говори, --- вот теперь Вулкан посмотрел в глаза Нумеона.

--- Четырнадцатые относятся к нам с пренебрежением, а Десятые как к низшим легионерам. Я не вижу сотрудничества между ними и Саламанграми, по крайней мере простого.

--- Мы не можем изолировать себя, Нумеон. Мортарион просто горд. Он видит в нас такую же неприимную силу, как и его Гвардия Смерти, вот и всё. Феррус друг нашего легиона и меня, но... ну, скажет лишь что мой брат всегда отличался усердием. Иногда оно затуманивает его разум ко всему, кроме веры Железных Руки.

--- Плоть слаба, --- Нумеон скривился, цитируя доктрину X Легиона. --- Они илеют в виду нас. Мы слабы.

Похоже, чемпиону не терпелось доказать обратное, но Железные Руки были слишком далеко на южном полуострове главного пустынного континента Огин-Пять-Четыре Четыре.

— Они илеют в виду любого, кто не из Десятого легиона, — перебил его Вулкан. — Это просто гордость. Разве ты не горд своим легионом?

Нүтеон резко ударил кулаком по нагруднику. Для Саламангра он очень убедительно копировал строгость одного из сынов Жиллимана.

— Мой господин, я рождён в огне.

Вулкан с улыбкой поднял руки, показывая, что он не хотел проявить неуважение к ветерану.

— Нүтеон, ты был в моей Погребальной Страже с самого начала. Ты и твои братья встретили меня на Прометее. Ты помнишь?

И преданный воин склонился.

— Отец, это навечно останется в моей памяти. Величайшим моментом в истории легиона стало воссоединение с тобой.

— Да, как и для меня. Ты самый лучший из всех Огненных Драконов, мой первый капитан, мой приближённый. Не принимай слова Десятых близко к сердцу. На самом деле они лишь хотят показать

отцу свою преданность, как и все мы. Несмотря на внешнюю грубость Феррус сильно уважает других легионеров, особенно Восемнадцатых. В тебе горит пыл и ярость Саламангр, — в голосе Вулкана ясно раздалась свирепая устешка. — Что по сравнению с ними холода разума сынов Медузы? — примарх хлопнул рукой по плечу Нутеона, но его гружелюбие продлилась не долго. — Земля, пламя и металл — мы, Восемнадцатые, выкованы из крепкого сплава. Никогда не забывай об этом.

— Милорд, ваша мудрость пристыдила меня, но я никогда не понимал вашей сдержанности и сочувствия, — признался чемпион.

Вулкан нахмурился, словно слова капитана раскрыли ему некую скрытую истину, которая всегда была внутри, но затем выражение его лица изменилось и посуровело. Он отвернулся.

Нутеон собирался задать вопрос, когда примарх поднял руку, прижимая его к тишине. Вулкан пронзительным взглядом вглядывался в ряды деревьев. Нутеон не

бигел того, что внезапно привлекло внимание отца, но он знал, что зрение примарха острее, чем у любого его отпрыска. Передавшееся Погребальному Стражу напряжение Вулкана быстро исчезло, когда он вновь расслабился.

И махнул рукой, словно подзывая пустой воздух.

— Покажитесь. Не бойтесь, вам не причинят вреда.

Нүтеон в недоумении поднял голову. Его красные глаза вспыхнули, когда из леса появились первые люди. Он выставил алебарду перед примархом для защиты. Странно, что капитан их не заметил.

— Полегче, брат, — посоветовал Вулкан, направляясь к напуганным обитателям джунглей. Они спускались из укрытий в деревьях, выступали из тени стволов и высоких гнёзд. Некоторые словно появились из самой земли, выбравшись из подземных убежищ. Лица покрывали племенные татуировки, а тела скрывала одежда из обожжённой коры и сшитых листьев.

Вулкан снял шлем — оскалившуюся

голову дракона с огромным гребнем, похожим на языки пламени. Почётные ишраты свидетельствовали об эноне подвигов на лице цвета оникса, в котором была и противоречащая пугающему облику мягкость.

— Ведишь? — обратился примарх к мальчику, остелившемуся к нему подойти. — Мы не чужовища.

Напуганное лицо смотревшего на огромного агского великана мальчика говорило, что он думает обратное.

Позади столпились другие люди из племени.

Вулкан всё ещё был гораздо выше мальчика, хотя встал на колени. Примарх повесил кузнечный молот на спину и подошёл к мальчику с открытыми ладонями, показывая, что он не держит оружия. Вокруг собрались остальные Погребальные Стражи. Нутеон позвал их на прометейском боевом жаргоне, известном только Огненным Драконом, и все воины внимательно наблюдали.

Поклявшиеся защищать примарха стражи были необычными воителями.

Рождённые на Терре, они не всегда полностью понимали культуру ноктюрнцев, вырастивших Вулкана, но знали свой долг и чувствовали его в генетически улучшенной крови.

Из джунглей начали выходить другие люди, воодушевлённые любопытным мальчиком. Вскоре сотни присоединились к горстке первых. После короткой, поражённой тишины все начали причитать и горестно стенать. Слова было трудно разобрать, но одно повторялось вновь и вновь. Убсен.

Значит у этого места всё-таки есть имя.

Вулкан встал, чтобы оглядеть их, и освобождённые люди немедленно отпрянули.

--- Что нам с ними делать, милорд? --- спросил Нутеон.

Вулкан недолго смотрел на них. Собрались многие сотни. Некоторые отряды армии уже пытались построить их, пока летописцы расходились по зоне высадки, документируя и опрашивая теперь, когда местность объявили

безопасной.

Женщина, возможно мать храброго мальчишки, подошла к Нумеону и начала что-то бормотать и стенать. Язык аборигенов был некой ублюдочной смесью речи эльдар и проточеловеческих словесных форм. Поблизости ксенолингвисты армии вторжения ещё пытались понять смысл, но уже предположили, что люди, пусть и напуганные, рады освобождению от ярма чужаков.

Она царапала доспех Позребального Стража. По виду Нумеона было видно, что он готов силой отстранить женщину, но его остановил взгляд притарха.

--- Это просто страх. Мы такое уже видели, --- Вулкан мягко отвёл истерящую женщину от своего советника. Прикосновение к ауре притарха успокоило туземку достаточно, чтобы её смог увести солдат армии. Чуть дальше вспыхнул пиктер, когда один из летописцев запечатлел момент для потомков.

--- Ты.

Человек вздрогнул, когда к нему
обратился Вулкан.

--- М-мой господин?

--- Как твоё имя?

--- Глаиварзель, сэр. Отобразитель и
император.

Примарх кивнул.

--- Ты отдашь свой пиктер
ближайшему дисциплинарному
надзирателю.

--- С-сэр?

--- Никто не должен видеть, что мы
спасители, Глаиварзель. Императору мы
нужны как воины, как воплощения смерти.
Быть чем-то меньшим значит
подвергнуть опасности крестовый поход и
той легион. Ты понимаешь?

Летописец медленно кивнул и отдал
пиктер фаэрийскому дисциплинарному
надзирателю, слушавшему беседу.

--- Я разрешаю тебе прийти и
поговорить со мной, когда эта война
закончится. Я расскажу тебе о своей жизни
и пришествии отца. Будет ли это
достаточным возмещением потерь
снимков?

Глаиварзель кивнул, затем поклонился. Не каждый день итераторы теряют дар речи. Когда летописец ушёл, Вулкан вновь повернулся к Нүтеону.

— Я видел страх. На Ноктюрне, когда земля раскалывалась, а небо плакало огненными слезами. Это был настоящий страх, — он взглянул на медленно уходящих аборигенов. — Я должен замечать страдание, — лицо притархало и посуровело. — Но как мне чувствовать сострадание к тем, чьи тяготы не сравнить с перенесёнными моим народом?

— Я не с Ноктюрна, — Нүтеон был в замешательстве и хотел бы сказать что-то лучшее.

Вулкан отвернулся от исчезающих людей. Сорвавшийся с губ вздох мог быть проявлением сожаления.

— Знаю... Скажи мне тогда, Нүтеон, как ты освободишь этот мир и обеспечишь его покорность, если забудет о чувствах братских легионов?

Грубый и воинственный голос комментировал мелькающие

гололитические образы континента. Пятна жёсткой травы и колючих растений были рассыпаны по пустынной земле. Блеск зловещего солнца над головой раскаляли песок добела. Над дюнами возвышались монументы и купола из жжёного кирпича. Скопление зданий окружало тяжёлый менгир, стоявший в естественной впадине. Здесь мелькающее изображение остановилось и приблизилось. Поверхность менгира покрывали плавные и внешне чуждые руны. Слабо мерцающие кристаллы, подобные огромным овальным рубинам, были установлены через ровные интервалы и связаны петляющими узлами, которые исходили из центральных рун и переплетались в них.

— Чужаки черпают психическую силу из этих узлов.

Изображение моргнуло и стенилось голограммой Десятого примарха.

Феррус Манус — металлический великан, облачённый в чёрный как стальной силовой доспех. Его родина, Медуза, была стилой пустошью и эхом ей были леденящее серебро лишённых зрачков глаз

и холодная как ледник словно ободранная
ножом кожа. Брат Вулкана стоял без
шлема и вызывающе демонстрировал
потрёпанное войной лицо с коротко
остриженными чёрными волосами. Феррус
был постоянно разожжённой топкой, его
гнев быстро разгорался и медленно угасал.
Также его звали "Торгоном", по слухам из-
за того, что стальной взор примарха мог
превращать в камень. Более вероятным
объяснением была тёзка планеты и связь с
терранской легендой древних Микен.

--- Наши авгүры засекли наличие трёх
точек пересечения на поверхности Одино-
Пять-Четыре Четыре --- в пустыне, на
ледяных равнинах и в джунглях...

--- Брат, мы знаем о своей задаче. Не
нужно нам напоминать, --- перебил его
низкий и глухой голос.

Второй примарх пришёл на военный
совет и встал рядом с Феррусом Манусом,
хотя они и находились на расстоянии
многих лиг на противоположных концах
планеты. Странно было видеть, что
одного окутала арктическая метель, а
другого омывает свет жаркого солнца.

Мортарион из Гвардии Смерти ---
высокий и худой, но даже через гололит его
присутствие неоспоримо.

--- Что я хочу знать, так это почему
ты трое покоряет этот мир, почему три
легиона направлены на огни
экспедиционный флот --- что делает его
достойным нашего внимания?

Облик самозваного Повелителя
Смерти был мрачен. Худые, почти
костлявые черты лица напминали о
мифическом образе из знаний древних.
Жнеце душ, сборщик умерших, все люди
боялись, что в ночи их заберёт существо в
погребальном плаще --- сером и эфемерном
как последний вздох. Мортарион был всем
этим и даже большим.

Повелители Ночи использовали страх
как оружие, но он был воплощением
страха.

Пепельная безволосая кожа виднелась
за решёткой, скрывающей нижнюю
половину черепа. Облако испарений едкими
газами окружало кожу --- пойманный
воздух смертельного Барбаруса исходил из
углов злобещих доспехов. Тело скрывала

сверкающая медь и неприкрытая сталь. Большинство деталей скрывал текучий серый плащ, словно дымящийся облаки, обволакивающий угловатые плечи Мортариона, но нагруднике был ясно виден безжалостный череп. Ядовитые курильницы свисали с огромного тела словно связки гранат. Они несли болезнетворный воздух родного мира примарха, как и госпехи.

Вулкан наклонился, чтобы зачерпнуть горсть земли. Протянув её другим примархам, он позволил мягкому суглинку утечь сквозь пальцы.

--- Земля, --- просто сказал Вулкан. --- Здесь под поверхностью пласты ценной руды и бесчисленные драгоценные камни. Я чувствую это в воздухе и под ногами. Если мы приведём Огин-Пять-Четыре Четыре к покорности быстро, то сожжём её сохранить. Затяжная война значительно уменьшит потенциальное геологическое достояние. Вот почему, брат.

Заговорил Феррус с явным раздражением в голосе.

--- И поэтому узлы должны быть

захвачены одновременно и по моему приказу.

Усталый хриплый вздох сорвался с губ Повелителя Смерти.

— Это напрасная трата времени на позёрство. Четырнадцатый должен захватить больше земли, чем другие легионы, — Мортарион отстегнул лицевую решётку, чтобы ухмыльнуться Горгону. Улыбка вышла одновременно безрадостной и злобещей, так похожей на мертвенный оскал черепа. — И к тому же я и Вулкан знает, кто командует. Феррус не имеет нужды бояться, что тебя подсилят.

Братское соперничество существовало между всеми примархами. Оно было естественным следствием их общих генетических корней, но Железные Руки и Гвардия Смерти чувствовали его сильнее других. Каждый гордился стойкостью легиона, но если один полагался на сталь и машины в превозмогании слабости, то другой предпочитал более природный и биологический подход. И пока достоинства обоих не были испытаны друг против

зрүга.

Феррүс скрестил на зрүди
серебристые, двизавшиеся словно ртуть
руки, но не купилса на очевидную наживу.

--- Брат, твоя задача слишком
сложна? А я-то дүтал что уроженцы
Барбарүса крепче.

--- Брат, легион оставляет на своём
пути смерть! Приди на ледяные поля и сам
увидь, как нужно воевать, --- Мортарион
прищүрилса и крепче сжал огромную косу.

Неспособный больше остүжать
раскалённое сердце Манүс перебил его.

--- Мортарион, мне үже известно о
твоих бесчинствах. Мы должны оставить
часть мира невредимым, чтобы он был
полезен. Ты и твои присные могут и
процветать в токсичной пүстоши, но на
это неспособны поселенцы, которые
последуют за нами.

--- Мои присные? Прогвижение твоего
легиона столь же медленно и үвечно, как
обожжаемые вати машины. Что с пүстыней,
она захвачена?

--- Она нетронута. Любой
разжигатель войны в легионах астартес

может учинить разрушение, но твои методы слишком жестоки. Один-Пять-Четыре не станет под твоим руководством голой безжизненной скалой.

--- Братья...

Оба повернулись на полуслове к Вулкану.

--- Наш враг снаружи, а не среди нас. Нам стоит принасти свой гнев для них и только для них. Каждый из нас сражается на отличном театре военных действий. Нужны разные подходы, и каждому из нас их выбирать. Отец сделал нас генералами, а генералом нужно позволять руководить.

Мортарион слабо улыбнулся.

--- Ты как всегда сдержан, брат.

Вулкан предпочёл принять это за комплимент.

--- Но прав и Феррус. Мы здесь чтобы освободить и сделать мир покорным, а не обратить его в пепел. Одна адская планета поселилась в моих кошмарах --- и я не хочу, чтобы у неё появилась соседка. Ослабь руку, Мортарион. Пусть коса не падает так резко, --- он повернулся к Феррусу Манусу. --- А ты, брат, доверься

нам, как это сделал отец, когда поручил нам вывести человечество из тьмы Старой Ночи.

Феррус сердито посмотрел на брата, не желая уступать, но кивнул. Угли гнева ещё тлели. Вулкан был землёй, стойкой и непоколебимой, тогда как Горгон был подобен арктическому вулкану на границе извержения. Он неохотно успокоился.

— Чувствительная у тебя душа, Вулкан. Не стоит ли ей стать потвёрже?

Они были похожи, Железная Рука и Саламандр. Оба были кузнецами, но Ферруса Мануса больше интересовала функциональность, тогда как Вулкан ценил облик и красоту. Тонкое, но показательное различие, которое иногда вызывало некоторую неловкость несмотря на близкую дружбу.

— Что ты нашёл в джунглях, кроме просвещения? — спросил Горгон.

— Мой легион встретил эльдаров. Они немногочисленны, используют засады и подчинили своей воле ящеров. Среди них есть и ведьмы. Когорты армии утеньшились, а мои сыны понесли

незначительные потери, но мы продвигается к узлу.

Мало что выдало неудовольствие Ферруса от вести о гибели легионеров, когда он заговорил.

--- Мы тоже бились со зверями, покрытыми хитином жителями песков и огромными ящерами-ядозубами. Эльдары ездят на них, как мы на спидерах и гравациклах.

В свою очередь Мортарион сообщил, что разрубил в тундре шею ледяного змея, а чужаки подчинили лохматых мастодонтов.

--- Как думаешь, эти звери изначально жили на планете или прибыли с ксеносами? --- спросил Вулкан.

--- Не важно, --- ответил Повелитель Смерти, --- Возможно их создали, используя терзную чужацкую технологию, --- его янтарные глаза сверкнули. --- Мне важно лишь где они.

Притарх Железных Рук обдумал всё, пытаясь составить точный образ зоны боевых действий.

--- Эти эльдары не такие

технологически продвинутые как те, с кем я сражался, -- он скривился. -- И как они так легко поработили аборигенов?

-- Мы обнаружили, что в джунглях живут люди, -- сказал Вулкан, -- пока несколько тысяч, но скорее всего больше. Я не видел воинов в племенах. Полагаю, что это простой народ, нуждающийся в нашей защите.

-- В любом случае, мы должны беспокоиться об эльдарах, -- в голосе Мортариона появилось пренебрежение. -- На ледяных равнинах есть аборигены, но моё внимание приковано не к ним.

Презрение к человеческой слабости шло из каждой поры Повелителя Смерти. Вулкан ощутил стыд от того, что его собственные чувства к обитателям джунглей не так уж сильно отличались.

-- Сейчас я должен согласиться с братом, -- сказал Феррус. Он повернулся к Вулкану. -- Этот мир полностью захвачен. Даже самые удалённые уголки не свободны от порчи ксеносов, и пока это не изменится мы не можем себе позволить отвлекаться. Будь внимателен, брат, но

нүсть люди сами себя защищают. Это всё.

Гололит погас, указывая на конец разговора. Вулкан склонил голову в знак принятия приказа Ферруса и обнаружил, что стоит в армейском штабном шатре, а на пороге терпеливо ждёт Нүтеон.

--- Какие новости? --- настроение примарха было угрюмым.

Приближённый отсалютовал со всей своей знаменитой чопорной формальностью и сделал три шага в шатёр.

--- Разведчики армии обнаружили точку пресечения, милорд. Они передают координаты.

Вулкан уже выходил из шатра. Стоявшие на страже снаружи фаэрийские солдаты спешили убраться с пути примарха.

--- Готовь легион. Мы выступаем.

Нүтеон следовал за ним по пятам, --- Мне вызвать "Грозовые птицы"?

--- Нет. Пойдём пешком.

Снаружи когорты армии сжигали тела чужаков. Странно, но некоторые аборигены собирались по краю огромных

костров и плакали на руках друг друга. Они потеряли всё, жизни и дома, и оказались посреди войны, которую не понимали.

Нутеон говорил про сочувствие. Но сейчас Вулкан чувствовал лишь одиночество. Он чувствовал себя изолированным даже от братьев, кроме Гора. Их дружба была близкой. В Магистре Войны было что-то очень благородное и самоотверженное. Он пробуждал верность в окружающих как никто другой и обладал ощутимой аурой обаяния. Возможно поэтому Император выбрал Магистром Войны его, а не Сангвиния. Вулкан относился к Горы как к старшему брату, на которого стоит равняться, которому можно доверять. Как бы он хотел сейчас с ним поговорить. Вулкан ощутил смятницу в душе и вновь захотел вернуться на Ноктюрн. Возможно его изменила долгая война. Лицо притархало и посуровело.

--- Выжжет эльдаров.

Глядя, как струи дыма поднимаются в небо, Вулкан вспоминал время, когда он

ещё не знал ни о звёздах, ни о планетах, ни о воинах в громовых доспехах, которым суждено стать его сынами.

Сильные руки работали на раскаткой, черпали сверкающий оранжевый металл и придавали ему удобную кузнечью форму. Руки покрывали мозоли — следы долгих часов работы перед огнём. Шершавые пальцы сжимали старую рукоять молота, который вздымался и опускался, обрушиваясь на раскалённое железо, пока не придавал ему коническую форму. Кузнец обработал металл с другой стороны, и он стал наконечником.

--- Дай мне клещи...

Кузнец протянул руку — жёсткую, как выдубленная шкура. Под сажей её покрывал здоровый загар, полученный во время поиска драгоценных камней на аридийской равнине. Он взял протянутый инструмент и поднял им наконечник копья. Шипящее облако пара поднялось, когда раскалённый металл коснулся поверхности воды в

бочке. Оно напомнило сыну гору
Смертельного Огня, которая громко
хранела во сне и душила небо, выдыхая
дым.

--- Она --- кровь из сердца, --- однажды
сказал ему отец. Сын помнил, как ему едва
исполнился год, а он уже был выше и
сильнее любого в городе. Стоя на склоне
горы они наблюдали, когда она
выплёскивает и изрыгает свой гнев.
Сначала мальчик хотел бежать, не из
страха за себя --- в этом отношении его
воля была железной --- но потому, что он
боялся за отца. Н'бел успокоил мальчика
взмахом руки. Прижав ладонь к груди, он
сказал сыну сделать то же самое, ---
Почитай огонь. Почитай её. Сынок, она ---
жизнь и смерть. Наше спасение и наш рок.

Наше спасение и наш рок...

Таков был порядок вещей на
Ноктюрне.

На древнем языке это значило "тьма"
или "ночь", и воистину мир был погружён
во тьму, но другого дома он не знал.

Через несколько мгновений клубящийся пар рассеялся, и Н'бел поднял наконечник из бочки и передал сыну.

Он всё ещё был невероятно горячим, жар кузни ещё не исчез.

— Видишь? Вот новый наконечник для твоего копья, — от улыбки по лицу кузнеца пошли морщины. Круги сажимок окружали добрые глаза, а исхудалые щёки покрывал слой перла. Шрамы-клейма покрывали лысую макушку. — Уверен, ты убьёшь и много заурохов на арридийской равнине.

Сын улыбнулся в ответ.

— Отец, я и сам мог его сделать.

Н'бел чистил инструменты, стывая от жары и копоть. В кузнице было темно, чтобы можно было лучше видеть температуру металла и судить об его готовности. Воздух пропитался запахом жары и сгустился от жара. Но это не угнетало, а лишь воодушевляло сына. Ему здесь нравилось. Здесь сын был в

безопасности и обрел покой, который не
сыщешь нигде на Ноктюрне. Едва
заметные во мраке инструменты отца
рядом висели на стенах и лежали на
всевозможных верстках и наковальнях. У
сына были сильные руки, и здесь в кузнице
и мастерской он находил и лучшее
применение.

Н'бел продолжал смотреть на свою
работу и не замечал мимолётных
раздумий сына.

— Я лишь скромный кузнец. У меня
нет ни способностей творцов по металлу,
ни мудрости шамана земли, но я всё-таки
твой отец, а отцы любят что-то делать
для любимых детей.

Сын нахмурился и осторожно подошёл
к старику.

— Что-то не так?

Недолго Н'бел чистил инструменты —
плечи его опустились, и кузнец вздохнул.
Он положил молот на наковальню и
посмотрел сыну в глаза.

— Мальчик мой, я знаю, что ты
пришёл узнать.

--- Я...

--- Не стоит это отрицать.

На лице сына отразилась боль из-за тревоги отца.

--- Я не хочу навредить тебе.

--- Знаю, но ты заслуживаешь правды. Я боюсь лишь только того, что она будет для тебя значить.

Сын положил руку на плечо Н'бела и осторожно взял его за подбородок. Рядом с нависшим над ним сыном кузнец казался ребёнком.

--- Ты вырастил меня и дал мне дом. Ты всегда будешь моим отцом.

Слёзы полились из глаз Н'бела, и он вытер их прежде, чем отстраниться от сына.

--- Следуй за мной, --- сказал Н'бел, и они вместе пошли к задней стороне каменной кузницы. Сколько потнил сын, там стояла старая наковальня под кожей. Н'бел сорвал её и бросил на пол. Ржавчина покрывала поверхность тяжёлой наковальни, и сын поразился при виде такой ветхости. Кузнец же едва обратил на это внимания, упершись плечом в

красный металлический бок. Он напрягся, и наковальня сдвинулась -- чуть-чуть.

-- Я вырастил сына-великана не для того, чтобы самому поднимать все тяжести, -- Н'бел скривился. -- Как насчёт помочь старику?

Сын, пристыжённый тем, что он просто стоял и смотрел, присоединился к отцу, и вместе они сдвинули огромную наковальню. Он едва ощутил тяжесть -- сила рук была невероятной и наполняла все мускулы и сухожилия, но простой труд вместе с отцом радовал душу.

Н'бел вспомел и провёл рукой по лбу.

-- Да, я точно был сильнее... -- он тяжело вздохнул. Напряжение вернулось, когда он показал на квадратное углубление в полу. -- Вот...

Несмотря на толстый слой сажи и пыли сын понял, что когда-то это был люк.

-- Он всё время был здесь?

-- Я благословляю день, когда ты пришёл к нам, -- ответил кузнец. -- Ты был и остался чудом.

Сын посмотрел на отца, но тот молчал. Он склонился и ощутил края

узлобления. Пальцы нашли опору, и сын показал силу, которой не было ни у кого другого в городе, подняв огромный каменный булыжник. Несмотря на вес он осторожно его поставил и затем устоялся в тёмный туннель, ведущий вниз.

--- Что там?

--- Сколько я тебя знаю, ты никогда не показывал страха. Ты не дрогнул даже перед подгорными драконами.

--- А сейчас боюсь, --- честно признался сын. --- Теперь, когда я стою перед ней, я не уверен, что хочу узнать правду.

Н'бел положил руку на его плечо, --- Ты всегда будешь моим сыном. Всегда.

Он сделал первые шаги во тьму и обнаружил под ногами каменную лестницу, громко трещащую с каждым шагом. Сын спустился глубже, и во мраке проступили резкие очертания чего-то металлического.

--- Я что-то вижу...

--- Не бойся, сын.

--- Я вижу...

Эхом отразившийся от стен кузницы

глухой звучный рёв остановил сына перед следующим нерешительным шагом. Это было предупреждение. На сторовых башнях города гули в роз. Н'бел и его сын слышали это даже глубоко в кузне.

Облегчение наполнило сына, когда он покинул отрачѣнную пещеру и вернулсѧ к тусклomu свету кузни.

--- Истина позождѣт.

Н'бел скривилсѧ, потянувши за копъѣм, любимый молот уже висел на его поясе с инструментами.

--- Сутеречные призраки.

О них ходили легенды в каждом племени Ноктюрна. Ночные дьяволы, похитители плоти, злые дүхи, кошмар, который оживал, когда облака бурлили в ставшем красным как кровь небе. Немногие встретились с ними и үцелели, и даже их навеки сломали воспоминания. Ожившие үжасные истории --- чүждые поработители, похищающие людей из домов и үносящие их на своих кораблях в бесконечную тьму. Оттуда не возвращалсѧ никто.

--- На нас бүдүт охотиться вечно? ---

сердито проворчал сын.

--- Это просто ещё одна наковальня.
Выживи, закались и стань сильнее.

--- Отец, я уже силен.

Н'бел сжал плечо сына.

--- Да, Вулкан. Сильнее, чем знаешь.

Вместе они выбежали из кузницы в
город.

В обазрённых небесах над Тесиодом
бурлили и сшибались ржавые облака. Нахло
неплот и дытом, в воздуже незримой цепью
повис угдушливый жар.

--- Агский рассвет, когда рушатся
пепельные берега, и солнце горит, ---
закричал Н'бел, показывая на небо. --- Он
возвещает кровопролитие. Они всегда
приходят в этот ненастный час.

В центре городской площади царила
паника. Люди выбегали из домов,
прижимая к груди близких и скудные
пожитки. Кто-то кричал от ужаса перед
тем, что придёт и может забрать их в
бесконечную тьму.

Бреугар, работник по металлу,
выбрался из толпы и пытался
восстановить спокойствие. Он и несколько

других людей кричали остальным
укрыться. Но рев рога приводил напуганных
в ещё большее неистовство.

--- Это безумие должно закончиться, ---
прошептал Вулкан, ужаснувшись
схватившему его плеча страху. Сильные
люди переживали буйство стихий, когда
раскалывалась земля, а вулканы изрыгали в
небо тьму и пламя, но страх перед
сумеречными призраками был сильнее
рассудка.

Пока отец пытался помочь Бреугару
и остальным, Вулкан бежал по площади к
огромному столпу. То был камень
обжигания, где медитировали шаманы
земли, когда солнце было в зените. Сейчас
он был пуст, и Вулкан схватился за бока
монолитного камня и не задерживаясь за
мгновения забрался на вершину. С плоского
столпа открывался хороший вид на землю
за Гесиодом.

Языки тёмно-оранжевого пламени
тарали горизонт там, где горели далёкие
деревни. В небо поднимался маслянистый
дым от подожжённых вместе с их
обитателями домов. Кочевые пастухи

Заурохов бежали, их стага вырезали. Чёрные на фоне кроваво-красного неба пагальщики-дактили лениво кружили в ожигании пира, который им устроят сумеречные призраки.

Пастухи не обращали внимания на них внимания. Они бежали к стенам Тесиода, но Вулкан трачно осознал, что уже слишком поздно.

Позади настешливо вопили сумеречные призраки. Их покрытые клинками скифы парили над равниной и в красном Агском Рассвете казались лишь зазубренными тенями. Вулкан был слишком далеко, чтобы услышать, но он видел, как кричал один из пастухов, пойманный шипастой сетью, пока его не пронзила копьём полубображённая ведьма. Другие высокие, гибкие существа в сегментированной броне цвета ночи метали гротики со спин машин, упиваясь охотой.

Когда призраки покончат с кочевниками и деревнями, то направятся к Тесиоду.

Вулкан сжал кулаки. Каждый Агский

Рассвет был одинаков. Когда небо становилось красным от крови, раздавались вопли и являлись сүтеречные призраки. Ни один человек не должен быть добычей. Ни один сын или дочь Ноктюрна не должен страдать, как скотоводы. Жизнь и так сүрова. Выживание и так тяжело.

--- Довольно.

Вулкан үвидел достаточно.

Он спрыгнул со скалы и приземлился на корточки. К нему подбежал Н'бел, задыхаясь от попыток поскорее үвести слабых и үзвильных в безопасное место.

--- Поүдём. Мы тоже должны спрятаться.

Лицо Вулкана посүровело, когда он поднялся и посмотрел на отца.

--- Другие страдают, пока мы прячемся.

Н'бел открыл рот от изүтления.

--- А что мы можем сделать? Мы үтрём, если останемся!

--- Мы всегда можем сражаться.

--- Что? --- Н'бел пришёл в замешательстве. --- Против сүтеречных

призраков? — он покачал головой. — Нет, сын, нас вырежут как скот на равнине. Пойдём!

Он схватил Вулкана за руку, но тот отмахнулся.

— Я буду сражаться.

Повсюду вокруг жители Гесиода исчезли в тайных нишах и подземных пещерах. То же творилось и по всему Ноктюрну. В Темиде, Гелиосе, Этони и других — в семи главных поселениях планеты люди бежали в пустоты земли и закрывали глаза от кошмара. Они оставались там, пока сумеречные призраки грабили и убивали, разрушая всё, за что жители Ноктюрна боролись и погибали.

— Нет. Утоляю. Спрячься вместе с другими.

Вулкан направился к кузне.

— Куда ты идёшь? Вулкан! — окликнул его Н'бел.

Он молча вошёл внутрь. Когда Вулкан вышел, на его плечах лежали два тяжёлых кузнечных молота.

— Возможно в твоих венах и не течёт

кровь этих людей, но всё же я один из них, я ноктюрнец. И я не позволю им больше страдать.

При виде праведного гнева сына отчаянье Н'бела сменилось решимостью. Он взвесил коньё.

--- Тогда я не позволю тебе сражаться одному.

Спорить или запрещать значило бы оскорбить отца, а этого Вулкан делать не собирался. Поэтому он кивнул, и между ними прошло невысказанное понимание. Они всегда будут родичами, пусть их кровь может быть разной. Это не изменить ничему, что таилось под люком в кузне.

Вместе они вышли на середину площади и встали напротив ворот Тесиога.

За ними вопли сүтеречных призраков становились громче.

--- Вулкан, я никогда не гордился тобой так, как сейчас.

--- Когда всё закончится, я хочу, чтобы ты запечатал люк. Я не желаю знать, что внизу.

— Сын мой, не гүтаю, что нам представится такая возможность, — Н'бел повернулся к нему. — Но если ты выживешь, то что будет с твоими корнями? Разве ты не хочешь знать, откуда пришёл?

Вулкан посмотрел на потрескавшуюся вулканическую почву.

— Вот мои корни. Там я родился. Отец, это всё, что мне нужно знать.

Краем глаза сын Н'бела увидел Бреугара. Он прижимал к мускулистой груди двуручный молот и звенел торками, вплетёнными в густую бороду. До появления Вулкана в Тесиоде самым крупным и сильным мужчиной был Бреугар. Он принял изменение положения со спокойствием и благородством, которое Вулкан никогда не забыл. Работник по металлу кивнул Н'белу, встав рядом.

— Ты лучший из нас, — сказал он Вулкану. — Родич, я встану с тобой плечом к плечу.

Бреугар был не один. Другие тоже выходили из укрытий на площадь.

— Ты можешь опереться на моё плечо, — сказал Горв, хранитель равнин.

— И на моё, — добавил Рек'тар, — старший горнист.

Вскоре здесь собралось более сотни ноктюрнцев, мужчин и женщин, сжимающих копья, мечи, кузнечные молоты и всё, что можно было использовать как оружие. Народ сплотился, и Вулкан стал их опорой.

— Мы больше не будем прятаться, — сказал Вулкан и поднял молоты. Он прищурился, глядя на ворота. Словно клинок в пламени кузни он ковал оружие из своего гнева. Слишком долго они были добычей. И теперь воспрянут...

Вопли внезапно прекратились, словно кому-то перерезали глотку.

На миг воцарилась тишина, нарушаемая далёким склѣжом и изувеченных заурохов и тольбой утирающих пастухов, почти добежавших до убежища.

А затем появились учителя.

Окутанные тенями существа двигались с извращѣнной грацией, подобно осколкам ночи взбираясь на стены. Омытые почти оцѣтитой жестокостью

сүтеречные призраки присели на вершине и болтали друг с другом, скалили зубы и сверкали серебристым зловещими клинками, обещая страдания. Первыми границу пересекли затянутые в кожу ведьмы с украшенными острыми клинками волосами, зазубренными копытами, зловещими фальчионами и другими острыми инструментами, о предназначении которых Вулкан мог только догадываться. С кошачьей грацией они приземлились на все четыре конечности и перекатились на ноги плавным щёгольским движением, свидетельствовавшим о невероятном высокомерии и чувстве превосходства. Глаза ведьм переполняло сладостное предвкушение убийства и слабое веселье при виде решимости человеческого скота.

Они двигались к площади нарочито медленно, желая, чтобы добыча загрожала. Вулкан чувствовал напряжение стоявших позади воинов, видел стадное мышление в движении сүтеречных призраков. Ему вспомнились львы, альфа-хищники, крадущиеся по аридийской равнине. Но в

этих существах, этих бледнокожих
бесполоых тварях не было ни следа величия
грозных гривастых зверей.

Губы Вулкана скривились в
презрительной ухмылке.

— Ходячие мертвецы с иссохшей
душой, вот вы кто.

Он выступил вперёд.

— Возвратитесь, — закричал
Вулкан. — Возвратитесь на свои корабли
и убирайтесь отсюда. Здесь вы больше не
найдёте ждущего своей очереди скота,
лишь сталь и смерть.

Одна из ведьм захохотала. Холодно,
зло. Она сказала что-то своим родичам на
резком диалекте сүтеречных призраков, и
низший сатец послушно зарычал. Его
непроглядно чёрные глаза сүзились,
остановившись на Вулкане. С
душераздирающим воплем чужак ринулся к
ноктюрнцам, остелившимся бросить ил
вызов. Он был быстр как змеящаяся
толня.

Вулкан сказал остальным
остановиться и ринулся навстречу. Тварь
держала зазубренные кинжалы за спиной.

выставив вперёд костлявый подбородок. На нём не было ни шлема, ни маски, лишь нарисованная на левой стороне лица татуировка змеи. За мгновения воины преодолели расстояние, и за миг перед ошибкой сүтеречный призрак изменил линию атаки и метнулся к боку Вулкана, натереваясь вынотрошить его со слепой стороны. Но Вулкан предвидел уловку. Он не дрогнул, а отточенные до мономолекулярной остроты боевые инстинкты не оставили поработителю ни одного шанса.

Вулкан блокировал удар древком молота и обрушил гругой на голову ведьмака. Все, как ноктюрнцы, так и сүтеречные призраки, поражённо затолкли, когда Вулкан вырвал оружие из кровавого тесива.

Он плюнул на трүн и свирепо уставился на женщину-ведьму.

--- Не призраки, лишь плоть и кровь.

Ведьма улыбнулась, её интерес и возбуждение внезапно усилились.

--- Мон'ки...

Она облизнулась, а затем вновь

слилась с теньями. Прежде, чем Вулкан
ринулся в погоню, ворота Гесиода
взорвались в буре осколков и пламени.

Взрыв поглотил Вулкана, превратив
его в тёмный размытый силуэт. Закрыв
глаза, сын Н'бела понял, что не утрёт, и
невредимым выступил из огня. Одно это
заставило померкнуть сумеречных
призраков, наблюдавших из неровной бреши
в стене.

Воины в полуночно-чёрной броне
прыгали с краёв скифов, радостно
выхватывая крючья и клинки. Вулкан
взмахом молота переломил сумеречного
призрака пополам, а затем сокрушил
другого ударом кулака.

Он слышал, как позади ринулись в
атаку его родичи, народ Гесиода мстил
векami притеснявшим его чужакам.

Перепрыгнув через толпу воинов, чьи
клинки рассекли лишь воздух, Вулкан
приземлился перед скифом. Словно
железными гвоздями он пальцами впился в
лателированный нос машины и
перевернул её. Вонящие порабощители
попадали с корабля, когда Вулкан

отшвырнул его словно негодное копье. Потрёпанный скиф прокатился по земле, а затем исчез в шаре раскалённых обломков.

За кораблём последовало ещё два, первый вёз когорту воинов. По приказу водителя скиф ускорился до таранной скорости, чтобы пронзить Вулкана покрытым шипами носом. Но идеально рассчитавший время прыжка сын Н'белы вскочил на парящую баржу на полном ходу и помчался по покрытому металлом скифу словно по невысокому горному отрогу.

На него бросились воины, изрыгая из ружей адские осколки и деля выгоды зазубренными клинками. Вулкан отбил удары и оказался среди них, размахивая толом.

Каждый взмах питали ненависть и решимость покончить в этом рассвете с циклом страданий и страха. Он вырвал командный трон водителя, оставив позади изломанные тела, и швырнул в третью машину.

Вспыхнул пузырь энергии, когда импровизированный снаряд ударил в

окружающее последний скиф защитное поле, но Вулкан, не теряя времени даром, прыгнул следом. Энергетический щит обжёг кожу, он приземлился на палубу и встретился с отрядом воинов. Они выглядели крепче остальных и сжимали острые мечи, окутанные неестественной силой. Белый как алебастр шлем каждого резко контрастировал с красной как внутренности украшенной бронёй. Призраки властно смотрели на непрошенного гостя. А позади вожака порабощенных глядел сквозь неровные глазницы рогатого шлема. Хриплый шёпот из клыкастой лицевой решётки спустил воинов с поводка.

Один из призраков безмолвно приблизился и взмахнул клинком, но Вулкан уклонился от удара, оставившего в воздухе раскалённый след. Второй сделал вынаг, и в этот раз сын Н'бела отвёл его в палубу скифа, но остался с дымящимся древком в руках. Другой удар превратил второй молот в пепел.

Поднявшийся с трона вожак зарычал от недовольства при виде уцелевшего

ноктюрнца.

Враг был обезоружен, и полные высокотерия призраки приготовились его прикончить.

Вулкан презрительно ухмыльнулся.

— Мне не нужно оружие, чтобы убить таких, как вы.

И он разорвал телохранителей в клочья, показав поразительную скорость и жестокость. Вулкан сбросил изувеченные тела пронзённых и обезглавленных собственными клинками призраков в кипящий внизу вихрь битвы.

— Этот кошмар закончится с твоей жизнью, — пообещал он, наставив палец на вожака поработителей.

Сутеречный призрак вытянул сверкающий меч из ножен рядом с троном. Тёмная дымка сочилась с клинка и щипала ноздри Вулкана. С губ вожака сорвался глухой, кашляющий звук. Он эхом отдался в пасти жуткой маски. Смех.

И тогда Вулкан заметил на другой руке сутеречного призрака тонкую как изгла перчатку. Он наставил её на ноктюрнца, нагнетливо повторяя

полученную угрозу.

--- Бооолль... --- зашипел вожак.

При всей сверхчеловеческой скорости Вулкану не успеть среагировать прежде, чем призрак воспользуется оружием.

--- Сын!

Сквозь грохот боя донёсся голос Н'бела. Инстинкт подсказал Вулкану протянуть открытую руку, слабое изменение ветра говорило, что нечто приближается. Он чувствовал всё. Пальцы Вулкана сошлись на потрепанной рукояти кузнечного молота и вслепую выхватили его из воздуха. Спустя долю секунды молот вылетел из пальцев, и крутясь полетел к вожаку поработителей, врезавшись в уродливую маску прежде, чем тот успел хотя бы подумать, что обречён. С разбитым пополам лицом призрак выронил меч и рухнул с края скифа.

Спрыгнув на площадь, Вулкан без промедления набросился на других сутеречных призраков. Ему хотелось убивать, пробудившийся дух воина одновременно пугал и будоражил его. Схватив пробежавшего чужака, сын Н'бела

раздавил его голову. Другого сломал об колено. Третий, четвёртый, пятый... Вулкан крушил их голыми руками, верша кровавое возмездие за все ужасы, за века учинённые поработителями на Ноктюрне.

Битва была недолгой.

Неготовые к столь решительному сопротивлению остатки налётчиков отступили, чтобы не погибнуть. Задержались лишь ведьмы, опьянённые жаждой боя. Среди них была одна, которой предстояло вонзить и повернуть последний нож.

Она была на противоположном конце площади и танцевала среди копий и течей ноктюрнцев, оставляя позади с каждым поворотом и пируэтом обезглавленные тела. Глаза Вулкана стали полны ненависти щелями, когда увидел истеющуюся ведьму.

Гнев стенился паникой, когда он увидел, кто оказался на смертельном пути.

--- Отец!

Вулкан был не просто человеком. Он обладал силой, скоростью и разумом

большим, чем у любого, и поэтому знал, что отличается знакомых и родни, но даже он был не добрался до Н'бела прежде жутких кинжалов.

Вулкан сжал пустые кулаки, проклиная себя за то, что в гневе бросил толот. Единственного человека, которого он знал как отца, зарежут у него на глазах. Каждый шаг по залитой кровью площади казался тысячей лиг, пока клинки ведьмы кружились и сверкали... расекали... заволакивали... убивали.

Слёзы огня размыли зрение Ноктюрнцы, окутав багровым туманом разворачивающуюся сцену. Она навечно отпечатывается в его разуме.

Н'бел поднял копье...

...ведьма выпустит ему кишки...

Глаза Вулкана сверкнули, встретившись с её взглядом посреди бойни. Даже в миг убийства ведьма излучала высокомерие. Он запомнит эти глаза, узкие как кинжал и полные мучительной апатии. У Н'бела не было шансов. Его взмах копья уже ушёл далеко в сторону, когда мерцающие фальчионы встретились

и жизненно важным органом... но удар так и не опустился. Наперерез ведьме с ревом бросился Бреугар. К чести работника по металлу, он парировал один из клинков, оставивший на руке тяжёлую рану. Могучий ноктюрнец закричал, со вторым ударом его удача исчерпалась, и клинок погрузился глубоко в живот и вырвался наружу в ужасным хлопаньем разорванной кожи. Наружу вывалилась исходящая паром гряда потрохов. На миг Бреугар замер, словно осознавая свою смерть, а затем упал и застыл. Кровь потекла из тела к ногам Н'бела. Оглушённый и лежащий там, куда его отбросил работник по металлу, кузнец едва мог поднять руки, чтобы защитить себя.

С улыбкой от бесполезного героизма человека ведьма приближалась к Н'белу, но самопожертвование Бреугара дало Вулкану нужное время. Огромный как гора и полный праведного гнева ноктюрнец ринулся на врага.

--- Сразись со мной!

Она отшатнулась словно змея, когда к ней бросился Вулкан, размахивая

күлаками. Ведыма едга избежала үдаров и не могла ответить. Она отскакивала, петляла и извивалась, пока не оказалась достаточно далеко, чтобы сбежать с последней насмешкой. Остальные ведьмы были мертвы или утирали. Лишь она пережила бойню.

А за разбитыми стенами Теснога в ткани реальности открылась дыра. В ней призывно мерцала бесконечная тьма, а ветер доносил эхо воплей проклятых, обещаая адские мучения всем, кто войдёт. Дыра поглотила ведьму целиком, а затем содрогаясь закрылась, оставив лишь запах крови и могильный холод.

Всё было кончено.

Адский Рассвет закончился, и солнце Ноктюрна поднялось к зениту.

Н'бел встретил Вулкана у ворот. Кузнец всё ещё угрожал, но был жив.

--- Бреугар мёртв.

Ненужные слова. Вулкан видел, как он умер.

--- Но ты жив, отец, и этому я вечно буду рад.

Голос всё ещё угрожал от скрытого

гнева, поглотившего Вулкана в бою. Омытая кровью чужаков грудь вздымалась как кузнечные меха.

--- Мы живы, сын, --- он взял руку Вулкана, и что-то в прикосновении старых морщинистых пальцев успокоило ноктюрнца, унеся напряжение.

--- Такая ненависть. Отец, я чувствовал её. Она прикасалась ко мне, как сейчас твоя рука.

Когда сын повернулся к старику, в его глазах словно горели погребальные огни.

--- Я чудовище...

Н'бел не отшатнулся, но погладил Вулкана по щеке.

--- Ты настоящий сын Прометея.

--- Но ярость... --- он посмотрел на землю, прежде чем вновь встретить взгляд отца. --- То, как я убивал голыми руками... Я не простой кузнец, так?

Вокруг собрались горожане. Хотя на улицах лежали трупы, все ликовали. Вулкана славили как героя.

Н'бел вздохнул, и все его скрытые страхи потерять единственного сына улетучились.

--- Так. Ты не отсюда.

Вулкан проследил взглядом за показывавшей на небо рукой отца.

Солнце пылало словно раскалённое око, окутанное облаком дыма. Вулкан закрыл глаза и позволил жару согреть его. Голос Н'бела донёсся словно издалека.

--- Ты пришёл со звёзд...

Это было похоже на каменный менгир, которым поклонялись испорченные примитивные народы. Отсталые религии нельзя было стерпеть, и за порчу идолопоклонничества Саламандры сожгли целые миры. Здесь, на Огин-Пять-Четыре Четыре, это был нексус вражеской силы, но его ждала та же судьба. Нечто в обелиске тревожило фаэрийцев, которых хлестали до повиновения дисциплинарные надзиратели и гнали на потрескивающие тушки эльдаров.

По приказам притарха легион выжег джунгли до самого психического узла. Эльдары и их ящеры бежали перед огненным валом, словно дикие звери от естественного лесного пожара. Эдикт

Вулкана не обсуждался, наступление было безжалостным. Он не стягчался даже при встрече с беженцами-людьми, зажатыми между молотом и наковальней войны. В них он видел лишь тусклое эхо благородного народа своего любимого мира, трудности обитателей джунглей были ничем по сравнению с суровыми бичами Ноктюрна. В самые мрачные мгновения примарх задумывался, действительно ли он презирал этих несчастных людей за то, что те позволили себя покорить, и куда исчезло его знаменитое сострадание. Когда земля горела, а небо задыхалось от дыма, Вулкан признавался себе, что на него повлияло присутствие чужаков. Это и воспоминания об их бесчинствах в его прошлой жизни до прихода звездолётов. Война была уничтожением, это шло против всего, чему примарха научил в кузнице его старый отец. Вулкан ценил ремесло, чувство перемен вначале и постоянства потом. Это приносило покой его измученной и одинокой душе. Его настоящий отец, тот, кто создал Вулкана быть генералом, нуждался в

воине, не кузнеце. Воине, которым Вулкан
мог стать.

Стоя на широкой гряде, вздытавшейся
над просторами джунглей, примарх черпал
утешение в том, что с уничтожением
узла нужда задержаться на Огин-Пать-
Четыре Четыре пройдёт, и ему будет
легче оставить позади мысли о родном
мире.

Убсен. Так назывался мир. Если у него
было имя, а не число, то было и сердце.
Значило ли это, что он заслуживает
спасения? Вулкан отбросил вопрос как
кусочек угля в топке.

Примарх чувствовал себя очень
одиноким, хотя он глядел на
разворачивающуюся битву в сопровождении
Погребальной Стражи и двух рот легиона.

Заговорил Нутеон, прервав
размышления Вулкана.

— Они пересекли внешнюю границу
владений чужаков. Признаться, я ожидал
более согласованной обороны.

Несколько Погребальных Стражей
согласно заворчали. Варрун кивнул,
выразив мнение лязгом сервомоторов

сочленений. Рядом были другие капитаны Саламандр, и чувствовали они то же, что и Погребальная Стража. Либо силы эльдаров на исходе, либо они сдерживаются по какой-то другой причине.

Вулкан задумчиво наблюдал.

В отличие от засады в джунглях здесь собрались многие чужаки. Подсливающимися с растениями зелёными плащаты они держали скорострельные луки и глинооствольные ружья. Вулкан видел, как дисциплинарному надзирателю попали в глаз, из затылка вырвался красноватый фонтан мозгов. Это место быстро занял другой, и нестройное продвижение фаэрийцев продолжилось.

Также эльдары использовали батареи тяжёлого вооружения, благодаря антигравитационным платформам более маневренные, чем те, что применяли когорты Армии. Согревающиеся лазерные лучи и раскалённые плазменные разряды превращали рвущихся из джунглей людей в кровавый туман. Двухместные турели "Рапира" и гусеничные "Тарантулы" отвечали резким стаккато снарядов.

перестрелка продолжалась.

Надсмотрщики и дисциплинарные надзиратели сознали диких фаэрийцев в когорты. Плотные колонны мускулистых и татуированных людей наступали, всыпая выстрелов гробовиков и автокарабинов разрывали сүтерки.

На другой стороне засевшие за обломками алебаstra эльдары отвечали столь же яростным огнём, воздух пронзали лазерные лучи и снаряды. Обе стороны несли потери, тела крутились от тяжёлых ударов или просто падали, исчезая под ногами бегущих следом, по мере сближения утирало всё больше воинов.

Храм окружал менгир. Мерзость, покрытая чуждыми символами, подражавшими показанным ферусом Манусом по гололиту. Империя смогла подробно разглядеть лишь узел в пустыне прежде, чем авгүры полностью отключились. Но здесь было немало и иначе. Рүны на плоских боках менгира сочетались по другому. Это был какой-то язык. Со временем обстоятельное изучение

могло раскрыть его тайны. Но у Вулкана не было такого желания. Он просто хотел уничтожить менгир.

Примарх повернулся к Нумеону.

--- Когда когорты армии вступят в бой и втянут в него большую часть эльдар, будь готов начать нашу атаку на узел. Если мы ударим быстро и решительно, то сможем уничтожить его прежде, чем в тьмасорубке сгинет слишком много жизней.

--- Ты думаешь, что у чужаков разорвется сердце, как только мы уничтожим обелиск? --- даже сквозь шлем в голосе Нумеона было слышно замешательство.

--- Его оборона --- единственная причина, по которой они не отступили в лес, где могут применять излюбленные тактики. С уничтожением узла этой мотивации не станет. Возможность близка. Надо лишь подождать.

Вулкан взглядывался во внешние укрепления. Стены храма были церемониальными, не предназначенными для противостояния согласованному штурму и уж точно не готовы к атаке

Ангелов Смерти Императора. Он разглядел на верхних башнях насесты, частично огороженные там, где приближался полог джунглей. В небесных гнёздах наездники на птерозаврах ожидали атаки легионных астартес. В непроглядной тьме леса Вулкан разглядел и осёдланных ранторов. Эльдары держали свои штурмовые войска в резерве. Примарх не сомневался, что они вновь встретят и ведьм-псайкеров. Было важно нейтрализовать цель прежде, чем враг воспользуется энергией узла.

Первые ряды армии ворвались во внешние укрепления храма и вступили в ближний бой. Свирепые фаэрийцы бились как дикари против смертельно грациозных эльдар. И при этом на стороне армейских гротил было такое численное превосходство, что от навыков было мало толку. Эльдар в крапчатом зелёном плаще выстрелил в упор, остатки сердца вырвалось из спины солдата. Отбросив ружьё, он затахнул на другого человека клинком, который сверкнул словно ртуть, и из горла забил фонтан крови. Трое

товарищей набросились на чужака и
забили тяжёлыми прикладами
автокарабинов. Столь же жестоки были
смерти и других: раздавленных
армейскими сапогами, обезглавленных
моноволокном, выпотрошенных штыками
или рассечённых фальчионами. Фазрийцы
былись стаями плечом к плечу, тогда как
эльдары кружили одинокими убийцами и
на мгновение собирались, чтобы вновь
разойтись в поиске свежих врагов.
Жестокость боя была почти
примитивной.

Вулкан созерцал разворачивающееся
кровавое представление. Сокрушительный
удар не спровоцировал полномасштабную
атаку эльдаров, как он надеялся. Но
бесстрастно глядя на битву, примарх
видел, как постепенно силы покидают
эльдаров.

— Они будут сдерживаться, пока мы
полностью не вступим в бой, — сказал
Нутеон, словно прочитав мысли примарха.
Советник лишь сейчас заметил таящихся
в высоких гнёздах и подлеске вокруг храма
ящеров.

Свирепый взор Вулкана сужился до узких янтарных щелей.

--- Так ободрит же их. Дай волю 5-ю и 14-ю ротам Рождённых в Огне.

Тека'тан не был гордецом. Засада в джунглях стоила 14-ой больше крови легионеров, чем хотелось бы капитану, но он был прагматичным как и все Саламангры и знал, что это просто война. Потеря сержанта Баннона стала тяжёлым ударом --- он сражался рядом с Тека'таном почти век, и дивизион огнемётчиков практически уничтожил нападение карнагонов. Их разделили и распределили по другим отделениям. Было странно видеть рассеянных по ротам специалистов, но Тека'тан не мог отрицать, что это даёт тактическую гибкость.

Его брат-капитан 5-ой, Гравий, тоже понёс потери в этой войне. Как и Тека'тан, он был скромным и понимал своё место. Но даже при этом, когда с гряды пришёл приказ примарха, Тека'тан сжал кулак в предвкушении мести. И он знал, что

Гравий сделал бы то же самое.

Присев вблизи от сражающихся когорт армии, Тека'тан повернулся к Каутару.

--- Наковальня зовёт нас, брат. Владыка Вулкан позволил нам восстановить уважение к себе в закаляющем пламени кузницы.

Каутар кивнул, передёрнув затвор болтера. На наплечнике воина чёрным теплом были написаны имена Оранора и Аммиона.

--- Это станет их реквиемом.

--- За павших, --- добавил Лютинор, притаившийся с другой стороны от капитана. Белый доспех аптекаря заняла кровь легиона.

Вокруг Тека'тана собралось его командное отделение. Все были скромными, отказывающими себе в излишествах воинами, но как и капитан радовались возможности отомстить за погибших.

--- В пламя войны, --- пообещал Тека'тан, а затем вызвал Гравия.

--- 5-ая уже готовится, --- прошептал

второй капитан. -- Я выйду во фланг врага.
Ждём твоего приказа, брат-капитан.

-- Гравий, считай, что ты его получил. Слава Вулкану, -- ответил Тека'тан.

Капитан повернулся и закричал, подавая передним отделением сигнал выступить.

-- Во славу примарха и легиона!

И больше двухсот голосов ответили как один.

-- Рождённые в огне!

Распределённые по дивизионам огнеметчики выступили вперёд, чтобы создать перед наступающей ротой завесу огня. Сначала Тека'тан вёл воинов медленно, выкашивая эльдаров методичными болтерными очередями. Тяжелое вооружение осталось в резерве, и когда эльдары отвели часть войск для противостояния новой угрозе, капитан отдал приказ открыть огонь.

Следы ракет отрачили небо, загудели мощные конверсионные излучатели, когда сержанты обрушили мощь тяжёлого вооружения. В ответ эльдары спустили

птерозавров, и крылатые ящеры
спикировали к тяжёлым орудиям в тылу
Тека'мана. Взревели тяжёлые болтеры,
воздух наполнился раскалёнными
снарядами. Градом посыпались дротики, но
большая часть была уничтожена прежде,
чем вонзилась в тела легионеров. Обстрел
разрывал птерозавров, но всё новые
слетали с насестов.

Сержанты передовых отделений вели
их вперёд, стреляя от бедра. В плотном
строю, размахивая силовыми копьями и
проклиная ангелов смерти Императора, во
фланг вышел эскадрон наездников на
ранторах. Им наперерез ринулись
гредноуты. Аттацион был один, когда бился
с карнагоном и пал, но сейчас к ранторам
устрелилась целая лавина бронированных
чүдовищ.

--- Сорвите фланговые атаки,
почтенные братья, и займитесь угрозой с
воздуха, --- прогремел по каналу связи голос
Тека'мана.

--- Во имя Вулкана! --- хором
ответили гредноуты, столкнувшись с
всадниками-эльдарати.

Расстояние до храма сокращалось. Тека'тан включил цепной меч, шепча клятву. Командное отделение следовало за ним по пятам. Капитан вновь открыл канал связи.

--- Тяжёлым дивизионом --- отступить в лес. Капитан Гравий --- мы вступаем в бой.

Ответ был быстр и решителен.

--- Мы молот, капитан Тека'тан. Стань наковальней, и слотим их.

--- Так и будет, --- пообещал Тека'тан. Адский круговорот ближнего боя был совсем близко. --- Саламандры. Взять их!

С вершины гряды Вулкан наблюдал за атакой 5-ой и 14-ой рот. Это заставило множество эльдаров раскрыться и вступить в бой. За мгновения к защитникам психического узла присоединились пешие солдаты и всадники на ящерах.

--- Они вовлекли в бой резервы эльдаров, --- заговорил Нумеон. Жажда боя в его голосе была заметной и передалась другим Погребальным Стражам.

Атанарий сжал рукоять
двухлинкового силового меча так, словно
сдушил врага. Ганн с звучным треском
сжимал и разжимал кулаки. Леогракк и
Скатар'вар в унисон сняли силовые бубавы с
наплечников. Остался неподвижен лишь
Узатарон, но и от него шли осязаемые
волны чистой агрессии.

Вулкан почувствовал то же, но
предпочёл дать углям своей
воинственности немного протлеть.

Нутеон присел на краю гряды,
опираясь на древко алебарды.

--- Я не вижу среди них крупных зверей.
Их не было. Вулкан не заметил в
джунглях ни следа карнагонов.

--- Очевидно они боятся нашей силы.

Нутеон поднялся. Позади стоял
Баррун и точил гладий, но он не протянул
руку приближённому. Ни один воин
Погребальной Стражи никогда не оскорбит
этим другого.

--- Милорд, вы хотели сказать вашей
силы.

--- Нутеон, моя сила --- это ваша сила.
Легион и я едины, --- несмотря на

внутреннее чувство отчуждения, Вулкан знал, что это правда. Каждый примарх ступил по пути одиночества, кроме пожалуй Гора, у которого был Морниваль. Справедливо, что примарх Саламандр чувствовал это острее братьев.

Вулкан напряженно наблюдал за полет брани, пока выражение его лица не изменилось с холодной отстранённости к удовлетворению. Подразделение эльдаров вышло на открытую местность.

Вас-то я и ждал...

Когда примарх заговорил, его глубокий голос был полон угрозы, предвестника насилия.

--- Теперь мы нанесём удар.

Нутеон повернулся к остальным, размахивая алебардой словно знаменем.

--- Погребальная Стража. На борт!

Позади клочок выжженной земли топтали посадочные опоры "Грозовой птицы". Её дремлющие двигатели быстро начали набирать скорость, и корабль взлетел, едва на борт поднялся Вулкан и воины его внутреннего круга. Остальные

роты на гряде остались в резерве и могли только наблюдать, как улетает их господин.

Посадочный трап ещё поднимался, когда Нүтеон из трюма вызвал пилота.

--- Выйти на штурмовой вектор. Ракетные батареи и...

И Вулкан перебил его.

--- Нет. Поработаем рүками. Высади нас на краю үзла. Я хочу лично разбить его своим молотом.

Вонзив цепной меч в кишки эльдара, Тека'тан закричал своим воинам:

--- Вперёд, 14-ая! Вулкан наблюдает за нами.

Вулкан всегда наблюдает. Примарх закаляет нас, как наковальня.

Капитан вырвал клинок из трюпа в фонтане крови и тут же был вынужден парировать атаку. Украшенный меч эльдара встретил блок, от сшибшихся клинков полетели искры. Агрессия легионного астартес встретилась с изысканством чужака, но кровь Тека'тана зазыграла, и он расправился с ксеносом выстрелом в упор из болт-пистолета.

Обгорелые пятна заняли лесную зелень
наруча и скрыли потёки артериальной
крови, покрывавшей большую часть
доспеха. То было крещение войной, и
капитан приветствовал его
триумфальным возгласом, ища врага.

Вот где ему бы хотелось быть -- в
гуще боя, лицом к лицу рубить головы
эльдарам. Гека'тан происходил с
Ноктюрна, воину был знаком кошмар
налётов поработителей: он пережил их
ещё мальчиком. Инстинктивная
враждебность осталась, хотя
преображение изменило воспоминания о
страданиях. Здесь были не поработители,
анима была другой, но ненависти
Гека'тану было достаточно, что это
эльдары.

Справа пронёсся поток огня, раскалив
наплечник капитана, и сжёг горстку
снайперов-эльдаров, пытавшихся уравнять
шансы. Гека'тан не мешкал. Прогвижение
было важнее всего -- непреклонное,
методичное и неупорядоченное как лавина.
Гравий тоже вступил в бой: капитан
слышал крики доблестной 5-ой роты.

приближающейся к противнику. Сказать по правде близость поражения в джунглях ранила их обоих. Шанс избавиться от этих чувств в пламени войны был величайшим даром, который мог им дать примарх.

Братья, молот и наковальня, --- отдавались в разуме капитана слова. --- Покажем им, что Саламангр не так-то легко сломить.

Жестокий бой, бурлящий хаос кровавых картин. В воздухе повис сильный запах горячей плоти чужаков и затхлая вонь их скакунов. Фыркающие и лающие рептилии обнаружили, что легион стал гораздо более опасной добычей без натиска их могучих родичей-карнагонов или вмешательства ведьм...

... пока шквал молний не разнёсся вокруг психического узла, и не возникли четыре закутанных в мантии эльгара. Тека'тан был достаточно близко, чтобы разглядеть их в гуще боя. Незримые путники словно прилчались на колдовской молнии и сошли с её дуги на землю, как человек сходит с корабля. Разряды зелёной

Энергии продолжали плясать по колдовским рунам на одеяниях псайкеров после телепортации. Три ведьмы остались на страже узла, а четвёртый выступил вперёд.

Эльдары были андрогинаты, но Тека'тан понял, что перед ним мужик. Он был без шлема, бледное и властное лицо пятнала паутина символических татуировок. Длинные волосы были зачёсаны назад и закреплены рунической заколкой, которая двумя полусферами шла по вискам и сходилась на лбу в пополам на рубин драгоценном камне. Это выглядело как корона, и Саламандр вновь поразился высокомерию и упадку чужаков.

Эльдар, в отличие от остальных, был облачён в зелёную мантию с лазурно-голубыми нитями. Из-под одежды он извлёк сверкающий покрытый рунами меч невероятной красоты. Оружие было психически связано с носителем, по клинку пробежали те же актинические молнии, что сверкали в глазах колдуна.

Остальные чужаки понялись, вокруг медленно образовалась пустота.

Гека'тан заметил, что ему открыт путь к колдуну.

Каитар, Лютинор и остальные воины командного отделения повиновались приказу прежде, чем тот был отдан.

— Во имя Вулкана, убьём эту тварь!

Они ринулись в бой. Колдун наблюдал, держа меч в защитной стойке. Одевания воина-аскета покрывали руны и колдовские символы. За миг перед столкновением он склонил голову, возможно приветствуя врагов.

Первый удар Гека'тана рассёк воздух и впился в землю, колдун отвёл его в сторону. Дела у Каитара шли лучше, но эльгар блокировал гладиус плоской стороной меча. Лютинор выпустил из болт-пистолета полобоймы, но снаряды безвредно взорвались на созданном открытой лагонью колдуна кинетическом щите. Порыв силы повалил аптекаря, и брат Ту'вар бросился на эльгара, чтобы спасти Лютинора от удара меча. Рунический клинок легко прошёл через защиту Саламандра, сломал гладиус, рассёк доспех и по рукоять погрузился в

зрүдь.

Вырвав клинок, колдун крутанулся и пробил нагрудник Ангевиона, добавив к удару разряд молнии, который закрутил Саламангра и сбил его с ног. Дымящийся воинитель попытался подняться, но рухнул лицом вниз и так и остался лежать.

— Убить его! — зарычал Гека'тан, замахиваясь мечом. Его мир сузился до одного поединка, остальная битва стала далёким размытым пятном. Вот наковальня, понял капитан, момент, когда он либо выдержит и восторжествует, либо сломается и погибнет. Три воина-рыцаря словно сражались с танцором, эльдар уклонялся от неуклюжих ударов, одновременно деля быстрые выпады, покрытым рунатами мечом.

Гека'тан не собирался сдаваться.

Умя мне легион. Я прирождённый воин.

Колдун превратил троих Ангелов Императора в уродливые зрүдь грохочущего металла, и это терзало капитана. Он вновь взмахнул мечом, но рассёк лишь тени. Вскинув болт-

пистолет, Тека'тан спустил курок, но в этот миг в него врезался шквал молний из сжатого кулака колдуня. Тревожные символы мгновенно затерцали на ретинальном дисплее, биомеханическая реакция выпрыснула болеутоляющее, чтобы удержать Саламангра на ногах. Болт-пистолет перегрелся и взорвался в кулаке, окатив его градом раскалённых осколков. Тека'тан еле замечал спазмы, но понял, что ранен, когда начало затуманиваться зрение.

--- Рождённые в Огне! --- это был не только зов о помощи, но и протестующий крик.

Приблизились Каитар и Лютинор, не дав колдуну нанести смертельный удар. Зрение сужалось, делалось от шлема лишь хуже, поэтому капитан вцепился в захваты, чтобы его сорвать.

Шлем с грохотом рухнул на землю, и волна запахов, образов и звуков инопланетных джунглей заставила капитана пошатнуться прежде, чем её скомпенсировали генетически улучшенные чувства. У воина всё ещё был ценной меч.

недовольно жужжавший в руке. Уголком глаза Тека'тан увидел одного из бывшего дивизиона огнемётчиков Баннона и заорал.

--- Легионер! Аг и пламя!

Поток горящего протетия окатил сражавшихся.

Оглушённый ударом и горящий Каитар упал, а Люминор прикрылся рукой. Колдун отвратил огненную бурю новыми кинетическим щитом, но тем ослабил другую защиту. Тека'тан выпрыгнул из пламени, сжимая обеими руками цепной меч, и с яростью обрушил его на эльгара.

Жалкий, кашляющий звук вырвался из глотки ксеноса, проглотившего метр раскалённого клинка. Все символы и обереги сломались, в миг жестокости сверхъестественная скорость стала ничем. Он встретился свирепым взглядом с Тека'таном, в глазах которого пылало мстительное алое пламя. Боль должна была бы замедлить Саламандра, не дать ему сражаться, но Вулкан научил своих сынов быть стойкими.

Капитан подался вперёд, его зубы

застыли в полугримасе, полускале.

— Саламангры бьются все как один!

Едкая слюна опалила посеребшую щёку эльдара, Тека'тан нанёс последнее оскорбление прежде, чем свет в глазах чужака погас. Вырвав клинок, капитан приготовился двигаться дальше.

Впереди был узел, но колдун дал шабашу достаточно времени, чтобы зачерпнуть силу. Разряды энергии мелькали между тремя ведьматами, словно камень питал и усиливал их.

Тека'тан успел лишь поднять меч, призывая воинов сплотиться, прежде чем из менгира хлыстом ударила толня. Её направлял шабаш, покорный разряд энергии сбивал с ног гредноутов и расплющивал Саламангр. Он волной пронёсся по легиону, оставив позади наэлектризованные и обгоревшие трупы. Задело и всё ещё сражавшихся в ближнем бою эльдаров, мерцающий бич был неразборчив, и Тека'тан осознал, сколь многим готовы пожертвовать ксеносы ради защиты менгира.

К счастью, капитан и его командное

отделение избежали первой толнии, но вторая уже собиралась.

Выпущенный за долю секунды разряд легко догонит Саламандр. Было больно, как в пламени ада, но Гека'тан всё равно бежал, что есть духу.

Воя двигателями, "Грозовая птица" неслась к буре. Вспышка осветила трачные внутренности корабля, открыв злобещий силүэт Вулкана, который стоял у открытого бокового люка. Тот был открыт как можно шире, и внутри десантно-штурмового корабля врывался ветер, трепал закреплённые на доспехах особые обеты. Вулкан ссутился и прищурился, глядя на үзел. Его острая вершина фокусировала бурю, а рүны на поверхности сверкали в үнисон с толниями. Даже вдали и с высоты үзел выглядел монолитным. Уничтожить его будет нелегко. Вулкан крепче сжал рукоять.

Позади Погребальные Стражи ждали, еле сдерживая агрессию.

Выпусти нас...

Притарх чувствовал их немую мольбу

так же ясно, как и гнев в своей крови.

Молния протелькнула рядом, задев одно крыло, и трюм согрознулся и накренился. Из раны в бронированной шкуре потекли струйки дыма. Этого было недостаточно, чтобы заставить "Грозовую птицу" отступить, но дальше риск разбиться будет только расти.

Вулкан даже не потянулся к опоре. Его тело осталось неподвижным, а внимание не исчезло.

Пилот медленно вернул их обратно на курс, и узел вновь затаячил в нескольких метрах внизу в окружении ореола силы. Шабаш ведьм у его основания набирал энергию для нового разряда. Должно быть, снизу учиненное первым ударом опустошение ужасало, а сверху след разрушений был ясно виден.

Странно, что эльдары так страстно защищали менгир, тогда как их тактика предполагала совершенно другой метод ведения боевых действий. Здесь, удерживая обелиск, они открывали все свои слабости и не могли воспользоваться сильными сторонами. Мысль о чём-то незримом и

неведомом вновь проникла в разум притарха, но пока он ничем не мог на это повлиять. Значит надо сконцентрироваться на том, что он может изменить.

Вулкан пригнулся чуть ниже и дождался, пока "Грозовая птица" наклонится так, чтобы люк наклонился к кузле. Молот в руках был творением самого притарха. Громогласный — имя его. Вулкан выковал молот на Ноктюне в честь Нбела и его наследия. В украшенном наконечнике оружия бушевали пленённые бури, вбитые в металл за долгие часы работы в кузне. Молот был бесподобен. Им не смог бы сражаться ни один легионер. Ни один человек не смог бы даже его поднять. Лишь Вулкан обладал достаточной силой и мастерством, чтобы покорить молот.

Он надел драконий шлем и примагнитил его к латному воротнику.

— Братья, знаете ли вы, что следует за молнией?

Погребальные Стражи не ответили. Вместо этого они приготовили оружие.

Глаза Вулкана вспыхнули

внутренним огнём.

--- Гром...

И он выпрыгнул из люка.

Воздух с воем проносился мимо Вулкана, летящего по раздираемому бурей небу. Он падал подобно комете с молотом в руках и рёвом огненных драконов горы Смертного Огня на устах. За спиной дико развевался плащ из саламандры, словно дух зверя вернулся и радовался торжеству хозяина.

Лицо под шлемом скривилось, когда примарх достиг смертельной высоты. Ветер стал разрывающим уши воем, но окружённый бурей Вулкан никогда не чувствовал себя таким живым. На миг он задумался, не это ли чувствовали Коракс и Сангвиний, когда парили в небесах.

Приближаясь к обелиску, Вулкан сжал молот обеими руками и поднял над головой. В момент столкновения он обрушил его на острую вершину обелиска словно на излуп, и загрохавший от энергии психический проводник треснул и раскололся. Вулкан не заметил.

продолжая падать сквозь древний камень
следом за неудержимой трещиной,
стреляющей к основанию обелиска. Из
рушащегося менгира вырывались ударные
волны, обломки падали на эльдаров,
которые смотрели вверх и кричали от
ужаса. Каждый высвобожденный обелиском
психический импульс теперь вызывал у
застывшего шабаша всё более страшные
судороги. Ведьмы-эльдары сделали себя
проводниками психической энергии, и
теперь в них вливались всё её остатки. Ни
одно смертное существо не могло
пережить такой откат. Вулкан рухнул, и
от страшного удара земля взмыла вверх. А
тем временем ведьмы утирали глаза за
грязой. Глаза горели, а плоть текла, пока
головы не взорвались, и тела не попадали
на землю.

Примарха скрыла бурлящая пелена
пыли и огня. Он припал на колени, молот
погрузился в землю. Так Вулкан и
простоял несколько мгновений, его броня
вздымалась и опала в такт дыханию.
Вокруг продолжал разваливаться узел,
огромные глыбы отваливались и дробились

на части. Когда всё закончилось, Вулкана окружил круг битого камня. Все выгравированные руны сломались, их внутренний свет исчезал на глазах.

Уже теснимые воспрянувшими Саламанграми эльдары дрогнули и начали отступать.

Ветер доносил торжествующую крики воителей 5-ой и 14-ой рот, мешавшую гордость Вулкана. Он улыбнулся погоскалившимся драконьим шлетом и заметил, что кто-то идёт.

Нүтеон глядел на примарха с края кратера.

Остальные Погребальные Стражи только что высадились из "Грозовой птицы" и добивали выживших.

--- Я не ожидал, что ты прыгнешь, --- признался Нүтеон.

Вулкан поднял голову и встал.

--- Это было наитие.

Советник оглядел круг обломков менгира.

--- И думал, что будет труднее.

Вулкан поднял бровь.

--- Думаешь, было легко? --- примарх

всё ещё улыбался, когда снял драконий шлем. Расправив плечи и положив Громогласный на плечо, он поглядел на мёртвых псайкеров. -- В занятии ведьмовством свои награды.

Нүтеон последовал за притархом, вышедшим из круга на пустеющее поле битвы.

-- Похоже на то, милорд, -- он бесстрастно остотрел обгоревшие и безголовые трупы. -- Сложно сказать, но я не вижу среди шабаша их провидицы.

Вулкану и стотреть было не нужно, он знал.

-- Женщины среди них не было, что... странно.

-- Наверняка уже сбежала. Должно быть они поняли, что не могут победить.

-- Возможно, но тогда зачем сражаться?

Эльдары уже бежали, ради личного выживания забыв о любых попытках тактического отступления. Им больше нечего было защищать и не осталось причин сражаться в бою, к которому эльдары были не приспособлены.

После окончания сражения начали появляться аборигены, как и после битвы в джунглях. Они казались встревоженными, даже напуганными своими освободителями и жалась друг к другу. Некоторые дети плакали. Девочка склонилась, чтобы прикоснуться к пальцу мёртвого эльгара, но скрылась во мраке, когда её огёрнула мать. Отряды солдат с прикреплёнными ленточками уже начали собирать беженцев.

--- Нутеон, они явно не рады нас видеть, а? --- спросил Вулкан.

--- Милорд, мне сложно различить реакцию любого человека.

Примарх вздохнул, не в силах больше оставаться бесстрастным.

--- Они боятся, но нас, а не чужаков. Что если... --- Вулкан затер, когда увидел среди убитых тела людей. От горя его лицо покрылось морщинами, --- Я не знал, что в боевой зоне находятся под угрозой гражданские.

Армейские медики и полевые хирурги уносили тела аборигенов вместе с фаэрийцами. Большинство было

мужчинами и женщинами, но Вулкан
видел среди убитых и детей. Перед
глазами примарха застыло холодное лицо
девочки, сжимавшей деревянную куклу. Она
бы выглядела спящей, если бы не тёмное
пятно на пеньковом халате. Но контраст
лица девочки выглядело особенно
невинным. Вулкан уже видел такие ужасы
после налётов и когда поверхность
Ноктюрна раскалывалась в гнев. Он
смотрел, как вытаскивают из под
обломков тела обгоревших или
задохнувшихся от дыма людей.

— Воин сам выбирает себе путь
сражений и постоянной угрозы смерти, но
эти люди... — примарх медленно покачал
головой, словно только что осознал. —
Этого не должно было произойти.

Нүтеон не знал, что и сказать. На его
нахмуренном лице отразилось облегчение,
когда подошёл Варрун с гололитическим
жезлом.

— Послание от легионов, милорд.

Вулкан ответил не сразу, его взгляд
задержался на людях.

— Установи, — наконец, сказал

примарх. Баррун вонзил жезл в землю и активировал.

Дылчатый свет вырвался из треугольной вершины и сооткался в образ Ферруса Мануса.

В знак почтения оба Погребальных Стража немедленно преклонили колени.

Феррус Манус был в шлеме, а судя по звукам находился в гуще боя в пустыне. Обдуваемый песком сверкающий доспех отражал свет солнца. Примарх снял шлем, и серебристые глаза сверкнули словно глыбы льда.

--- Джунгли захвачены, брат? --- Феррус был как всегда лаконичен.

--- Узел эльдаров нейтрализован, --- Вулкан кивнул. --- Бой оказался легче, чем мы ожидали, но пролилось достаточно крови. А как дела у братских легионов?

--- Бой ещё идёт, но меня не удержат, --- проворчал примарх Железных Рук. --- У нас возникли сложности с механизированными подразделениями. Большая часть моих войск сражается с пешим строем, а дивизионы армии кое-как им подражают.

Мантра Железных Рук о слабости плоти словно была написана на скривившемся лице Ферруса. Он уважал людей, но досадовал на их хрупкость.

--- А что с Гвардией Смерти? --- решил сменить тему Вулкан. --- Был ли верен наш брат своей упорной природе?

--- Мортарион сравнял узел с землёй, хотя мне интересно, что осталось для колонизации, --- неохотно ответил Манус. --- Боюсь, что он превратил ледяные поля в заражённую пустошь и вдобавок повредил весь континент.

По изображению прошла рябь помех. Позади Ферруса гревели далёкие взрывы, но он не обращал внимания.

--- Джунгли граничат с окраинами пустыни. Брат, я могу прислать тебе в качестве подкреплений часть дивизионов, --- предложил Вулкан, когда изображение восстановилось.

Холодное как айсберг лицо притарха выразило то, что он думал о предложении.

--- Не нужно.

--- Тогда твоя победа будет ближе, --- Вулкан пытался не пустить в голос нотки

утешения. Это бы лишь разозлило брата.

--- Пустыня велика, но она покорится
мне, --- Феррус слегка повернулся, хор
болтерного огня на фоне глухих раскатов
взрывов становился всё ближе. --- Мы вновь
вступаем в бой. Собери войска в джунглях и
жди приказов.

С разрывом связи гололит погас.

--- Слабость в гордыне, а не в плоти, ---
Нутеон покачал головой.

--- Тебе не понять, --- прошептал
Вулкан, глядя вниз.

Отец стремился сделать их
совершенными, во всём превосходящими
людей. Вулкан и его братья обладали не
только большей силой, способностями и
разумом, чем их сыны-легионеры, но и
слишком человеческими изъятиями. Быть
одним из многих значило, что добиться
от отца любви и одобрения сложнее.
Гордость так или иначе вела всех
примархов. Она же порождала братское
соперничество, и Вулкан задумался, не
приведёт ли это однажды к чему-то
большему.

--- Госногин?

Голос Нүтеона вернул его к действительности.

По полю боя к ним шёл Саламангр. На спине воина висел в ножнах ценной меч, а походка выдавала раны. Он склонился перед примархом, уже сняв шлем.

Саламангры смотрят груг гругү в глаза.

--- Встань, воин.

Саламангр послушно поднялся и ударил кулаком по нагруднику.

--- Капитан Гека'тан, --- кивнул Вулкан, --- из 14-ых Рождённых в Огне. Ты закалён, сын мой.

В бою доспех Гека'тана потрескался и обгорел. Также он потерял пистолет и берёг ногу, левый глаз распух, а на лбу было несколько глубоких порезов. Следы почётного шрама на толстой шее виднелись прямо над краем латного воротника.

--- Милорд, наковальня стала настоящим испытанием, --- он вновь склонил голову.

--- Не нужно быть таким скромным. Ты капитан и пролил сегодня кровь ради

легиона. Мы победили.

Гека'тан не выглядел таким уверенным.

--- Ты хочешь мне что-то сказать, капитан Гека'тан?

--- Да, милорд. Мы нашли разведчиков, которые обнаружили узел.

После передачи координатов связь с передовыми разведывательными отрядами полностью исчезла.

--- И они все мертвы, --- Вулкан помрачнел, чувствуя фатализм капитана.

--- Не все, примарх, --- даже жгучий взгляд Гека'тана не мог скрыть дурных предчувствий. --- Есть один выживший, не солдат.

--- Летописец?

--- Насколько я понял, милорд.

--- И он невредим? --- Вулкан словно уже знал ответ по лицу капитана.

--- Да, чүдо.

Примарх отвернулся, чтобы посмотреть вдаль, туда, где имперские войска загоняли врага вглубь джунглей. Он старательно отводил глаза от растущих груд мертвых аборигенов.

--- Где сейчас этот выживший?

Гека'тан помедлил.

--- Это не всё.

В сверкающих пламенах глаз повернувшегося Вулкана читался вопрос.

--- Он сказал, что есть другой узел, гораздо более крупный и мощный, чем уничтоженный вами.

Лишь дёрнувшаяся щека выдала неудовольствие примарха.

--- Begu.

Выглядел летописец непримечательно. Одетый в скромное облачение трачного терранского стиля человек сидел на земле с открытыми и настороженными глазами. Его присутствие в джунглях делало нелепым лишь то, что сидел летописец в окружении тел разведчиков, посланных найти узел.

--- Ты примарх легиона Саламандр?

--- Да, --- Вулкан медленно подошёл, повелев Погребальной Страже ждать снаружи кольца трюнов.

Этот приказ не обрадовал Нутеона и

остальных, но они всё равно повиновались.

Вулкан осмотрел место бойни. Судя по положению и тому, как упали тела, выходило, что разведчики дали последний бой. Примарх взгляделся в джунгли.

--- Тебя преследовали?

--- Да, от самого четвёртого обелиска.

--- И ты так далеко добрался прежде, чем тебя настигли эльдары.

--- Именно.

Когда Вулкан вновь повернулся к человеку, то встретился с пронзительными глазами на лице, казавшемся одновременно угрюмым и толстым.

--- Как получилось, что все погибли, и выжил лишь ты?

--- Я спрятался.

Вулкан уставился на летописца, пытаясь понять, говорит ли тот правду.

Человека похоже не беспокоило то, что он сидит среди мертвецов. Летописец даже не шелохнулся.

--- Ты мне не веришь?

--- Я ещё не решил, --- честно ответил

Вулкан и шагнул к нему.

Сначала лязгнул доспех Нумеона, потом раздался его голос.

--- Примарх...

Вулкан поднял руку, чтобы охладить пыл советника. Взгляд летописца метнулся к Погребальным Стражам и обратно.

--- Похоже, я не нравлюсь твоим телохранителям.

--- Они тебе просто не доверяют, --- примарх стоял рядом и глядел на человека сверху вниз.

--- Какая жалость.

--- Как тебя зовут, летописец?

--- Вераче.

--- Тогда, Вераче, следуй за мной и расскажи всё, что ты знаешь об обелиске.

Вулкан повернулся, когда выходил с места боя рядом с Нумеоном.

--- Внимательно за ним наблюдай, --- прошептал он.

Вераче поднялся на ноги и поправил мантию.

Нумеон недовольно посмотрел на летописца и кивнул.

Вулкан не чувствовал тревоги, хотя в этом Вераче и было что-то... странное. Какую угрозу может представлять для примарха плоть и кровь человеческая? Но на пути к "Грозовой птице" Вулкану вспомнилось время, когда он встретил другого странника, того, которого знал как Чужеземца...

Вулкан чувствовал, как слабеет его хватка. При всей своей чудесной силе он знал, что не сможет бесконечно цепляться за край отвесной скалы одной рукой и при этом ещё и держать шкуру дракона в другой.

То был величественный зверь с ярко-красной чешуёй — толстой, шишковатой, похожей на стену щитов. Полосатое брюхо огненного дракона обтягивали мускулы, челюсти были широкими и могучими. Зверь пришёл на зов грохочущей горы, выполз из самых недр.

Выкованное для убийства копьё Вулкана исчезло в лавовом разломе. Оружие, на которое были потрачены часы труда, исчезло за миг, гора вернула свою

кровь. Такой же бюджет и судьба Вулкана, если он соскользнёт.

Солнце жгло обнажённую спину, но жар спадал. Пар и дым затуманили глаза, наполнили нос запахом пепла и серы. Прошло уже несколько часов с тех пор, как началось извержение и перебросило Вулкана через край обрыва. Его спасли лишь превосходные рефлексy и сила... но крайней мере, отсрочили смерть.

Даже Вулкан, чемпион Тесиода и убийца сyтеречных призраков, мог погибнуть в лаве.

Молва о поражении поработителей быстро разошлась по главным городам Ноктюрна. В последовавшие недели короли племён шести других поселений и их посланники приветствовали лидеров Тесиода и просили о встрече с сыном кузнеца, быстро становившимся легендой.

Повисший на скалистом выступе Вулкан думал, каким же бесславым будет конец этой легенды. Пальцы соскользнули, и на миг казалось, что всё кончено. Его охватило чувство падения, но Вулкан протянул руку и отчаянно

вцепился в утёс пониже. Но телу зрадом
били обломки и катни, но он держался.

Сердце в груди билось, словно молот о
наковальню, но сын Н'бела старался не
дышать слишком глубоко. В такой близу
от потока лавы воздух превращался в
ядовитые миазмы сернистой щёлочи. Он
уже чувствовал, как вокруг носа и кожи
горла вздымаются волдыри. Обычный
человек бы давно умер. Это лишь укрепило
веру Вулкана в то, что на самом деле он
не принадлежал к этому народу, что он не
родился на Ноктюрне. Отец Вулкана,
Н'бел, много говорил с ним перед
состязаниями. Он пообещал запечатать
подвал под кузницей и так и сделал, но не
мог скрыть правду. Вулкан прямо спросил
его перед началом, но не услышал ответа —
слишком велика была печаль Н'бела.
Возможно теперь он не расскажет
никогда, и Вулкан так и не узнает о своих
корнях.

Пальцы окатенели, в руке словно
горели все огни кузни. Вулкан подумал, а
не бросить ли шкуру? Обеими руками он
мог бы вскарабкаться по скале.

Пузырящийся, трещащий поток лавы
словно звал Вулкана, утолял его унасть.

Впрочем, сказались и восемь прошлых
дней. Вулкан не знал, сколько у него
осталось силы --- сейчас он едва чувствовал
руки и постоянно боролся со странным
чувством тяжести, угрожавшим
непроизвольно ослабить хватку.

--- Тебе меня не сломить.

Вулкан сказал это вслух, чтобы
ободрить себя.

Треск лавы внизу был всё больше
похож на оглушительный хохот.

Никто не мог понять, как
бледнолицый чужак мог быть в каждом
состязании ровней Вулкану. Никто не
знал, откуда он пришёл, хотя некоторые
гудали про кочевые племена Узнеи. В
этом Вулкан сомневался. Когда
Чужеземец, как его потом называли, пришёл
в город, одежда его была незнакомой всем
ноктюрнцам. От Гелиосы до Темиды среди
населения планеты были культурные
различия, но у всех было что-то общее.
Что-то, чего не было у Чужеземца.

Его хвастовство было невероятной

наглостью. Вулкан помнил, какое раздражение вызвал чужак, когда заявил, что сможет одолеть в состязании любого, даже чемпиона Теснога. Сын Н'бела согласился скорее от изумления, чем из уважения.

— Пусть попробует, если хочет, — ответил он наедине отцу. — Глупец либо сдася, либо погибнет в горах. Пусть решит наковальня.

Сейчас эти слова казались особенно недальновидными.

Манящая снизу река раскалённого камня резко вернула Вулкана к смертельной действительности.

Как он может проиграть? Что о нём подумают люди, если победит бледнолицый чужак?

Вулкан держал шкуру дракона за длинный хвост, она качалась от идущего от лавы раскалённого пара. Сын Н'бела понял, что придётся пожертвовать гордостью ради жизни, и уже собирался разжать пальцы, когда по скалистой вершине горы разнёсся крик:

— Вулкан!

Прищурившись, чтобы видеть сквозь густой дым, Вулкан увидел вдали размытый силуэт. Чужак бежал к нему по скалам, а на плече его был самый огромный дракон, которого когда-либо видел ноктюрнец. Он моргнул, пытаясь понять, правда ли это или просто мираж, рождённый усталостью и щиплющим глаза сернистым воздухом.

Шкура в хватке решительного сына Н'бела была огромной, но эта... просто исполинской. Она легко заслонила добычу ноктюрнца, и внезапно гордость показала Вулкану куда менее важной.

Не мешкая, Чужеземец схватил огромную шкуру и бросил её в обширный поток лавы, текущей между ним и скалистым выступом, где висел Вулкан. Он протчался по мосту над булькающей погибелью и спрыгнул на другой стороне. Странник подбежал к краю ущелья и схватил Вулкана за запястье.

--- Держись...

И одним рывком, проявив невероятную силу, чужак вытащил и Вулкана, и шкуру дракона.

Узмождѣнные люди какое-то время лежали на голой скале, затем Чүжеземец встал и помог подняться Вүлкану.

Вдали поток лавы поглотил его великую добычу.

— Так нам не вернуться, — сказал Чүжеземец, в голосе не было ни следа сожаления.

Вүлкан хлопнул его по плечу, чувствуя, как возвращаются силы.

— Ты спас мою жизнь.

— Я не смог бы, если бы ты не провисел так долго.

Вүлкан смотрел на лаву, медленно поглощавшую останки дракона.

— Ты мог бы вернуться в город чемпионом.

— Ценой жизни соперника? Что это была бы за безрадостная победа?

Начали падать густые хлопья пепла, ветер принёс запах гари. Это предвещало пламя.

— Гора ещё не успокоилась, — сказал Вүлкан. — Она может извергнуться вновь. Мы должны вернуться в Тесиог.

Чүжеземец кивнул, и они начали

долгий спуск.

По возвращении Вулкана встретили торжеством. Все жители города, вожди, послы шести других поселений... все собрались, чтобы стать свидетелями завершения состязаний.

Н'бел встретил своего сына одним из первых. Кузнец уже не был таким силачом, как прежде, но всё равно крепко обнял Вулкана.

— Мальчик мой, ты справился. Я знал, — он повернулся и махнул рукой в сторону радостной толпы. — Тебя славят весь Ноктюри.

Крики эхом гремели в ушах Вулкана. Короли племён выступили вперёд, чтобы поприветствовать его и искупаться в лучах славы. Ликующие возгласы и обещания верности доносились сквозь радостные аплодисменты толпы. Лишь Чужеземец стоял молча и глядел на Вулкана. Но в глазах его не было ни осуждения, ни зависти. Чужак просто ждал.

Бан'ек, король племён Темиды, вышел из толпы и одобрительно кивнул

победителю состязания.

--- Достойный трофей, --- сказал он, показывая на всё ещё висевшую на плечах Вулкана шкуру дракона. --- Ты будешь выглядеть воистину благородно, если сделаешь из неё мантию.

Вулкан почти забыл о шкуре.

--- Нет, --- просто прошептал он.

--- Не понимаю, --- Бан'ек моргнул.

--- Я не заслуживаю всей этой похвалы и восхищения, --- Вулкан покачал головой. Он снял шкуру с плеча и протянул её Чужеземцу.

Н'бел попытался остановить сына, но тот отмахнулся.

--- Вулкан, что ты делаешь?

--- Пожертвовать гордостью ради чужой жизни --- вот истинное благородство, --- он встретился взглядом с Чужеземцем и внезапно увидел в непроницаемых глазах одобрение. --- Эта честь принадлежит тебе, чужак.

--- Скромность и самопожертвование хорошо идут вместе, Вулкан. Ты стал всем, на что я надеялся.

Не такого ответа ожидал

ноктюрнец, совсем не такого. Смятение отразилось на его лице.

--- Кто ты?

--- Почему ты так на меня смотришь?

Вераче сидел напротив Вулкана, его лицо скрывали тени штабного шатра.

В сумерках глаза притарха были похожи на раскалённые угли. От этого большинству людей был трудно на него смотреть -- но не сидящему напротив летописца.

--- На тебе ни царапины.

--- Это необычно?

--- Для кого-то в зоне боевых действий? Да.

--- Ты невредим.

Вулкан мягко расстелялся и отвернулся.

--- Я другой.

--- В чём?

Притарх вновь повернулся к безмятежному человеку, веселье сменилось растущим раздражением.

--- Я...

--- Одинок?

Вулкан нахмурился, словно раздумывая над проблемой и не видя решения. Он собирался было ответить, когда решил применить другой подход.

--- Тебе стоит бояться меня, человек, или по крайней мере остерегаться, --- примарх шагнул вперёд и сжал кулак на расстоянии вытянутой руки от лица летописца. --- Я могу сокрушить тебя за дерзость.

Вераче не дрогнул перед явной угрозой.

--- А станешь ли?

Злая гримаса исчезла с лица Вулкана, и он отошёл, чтобы прийти в себя. Когда примарх заговорил вновь, его голос был тихим и хриплым.

--- Нет.

Воцарилась странная тишина, её не остеливались нарушить ни человек, ни примарх. Наконец Вулкан заговорил.

--- Расскажи мне ещё раз, на что похож обелиск.

Пытливый взгляд исчез с лица Вераче, и он улыбнулся, а затем прищурился, вспоминая.

— Это скорее не обелиск, а арка, похожая на часть врат, — он описал её в воздухе руками. — Видишь? Видишь, Вулкан?

— Да, — в голосе примарха было меньше уверенности, чем бы ему хотелось. — А что защитники? Как бы ты оценил их силу?

— Я не воин, поэтому любая моя тактическая оценка едва ли будет полезной.

— Всё равно попробуй.

— Интересно, почему я объясняю это лично тебе, а не одному из капитанов?

— Потому, что им не хватает моего терпения, — проворчал Вулкан. — Теперь о чужаках...

Вераче кивнул, извиняясь.

— Ну что же. Вокруг арки собрались многие эльдары. Ещё больше защищают узел. Я видел... ведьм и ящеров. Четвероногие первыми нас выследили. На верхнем уровне насесты, их во много раз больше чем там, где я их раньше видел. Там есть и более крупные звери, хотя на бегу я не успел их толком рассмотреть.

--- Полнее, чем я ожидал, --- признался
Вулкан. Он покачал головой.

--- Я слушаю тебя, не так ли?

--- Ты прошёл через бойню невредимым
и говоришь об испытании так, словно оно
было пустяком. Ты обращаешься к
примарху как к коллеге по органу. Да,
твои действия необычны. Там повсюду
были тела, не только солдаты, но и
аборигены, --- после битвы разведчики
обнаружили ещё больше мёртвых людей,
угодивших под яростный перекрёстный
огонь. Образ убитой девочки продолжал
тревожить Вулкана, и он приказал
относиться к погибшим аборигенам с тем
же уважением, что и к мёртвым
легионерам. --- Война безразлична,
Вераче, --- сказал примарх. --- Будь
настороже или в следующий раз ты
покажешься в могиле.

--- Она запомнилась тебе, так?

--- Кто?

--- Девочка, убитая этой безразличной
войной.

Лицо Вулкана выдало его
беспокойство.

--- Эти люди страдают. Она напomniaла мне об этом. Но как ты...

--- Я видел, как ты на неё покосился, когда мы шли к шатру. Мне показалось, что это заставило тебя отвести взгляд, -- Вераче облизнул губы. -- Ты хочешь их спасти, так?

Вулкан кивнул, не видя нужды это скрывать.

--- Если стогу. Что за освободителями ты будешь, если станешь просто сжигать возвращаемые человечеству миры? Что будет с Убсеном?

--- Полагаю, хреновыми. Но что такое Убсен?

--- Это... этот мир. Его имя.

--- Я думал, что его обозначение Огин-Пять-Четыре Четыре.

--- Так, но...

--- Я правильно понимаю, что ты хочешь спасти народ Убсена?

--- Убсен, обозначение Огин-Пять-Четыре Четыре -- я так и сказал. Какая разница?

--- Большая. Что заставило тебя передумать?

--- Что ты хочешь сказать? --- вновь
нахмурился Вулкан. Его немного
отвлекали звуки голосов снаружи.

--- Что заставило тебя думать, что
они достойны спасения? --- взгляд Вераче не
дрогнул.

--- Сначала я так не думал.

--- А теперь?

--- Не знаю.

--- Найди ответ, и твоему
беспокойному разуму станет легче.

--- Я не беспокоюсь.

--- Действительно?

--- Я...

Примарха прервал Нутеон, вставший
у входа в шатёр.

--- В чём дело, брат? --- спросил
Вулкан, скрывая раздражение.

--- Феррус Манус прибыл, милорд.

Победа была ближе, чем ожидал от
Железных Рук Вулкан. Спустя мгновения
после последнего совета Феррус вновь
вышел на связь, сообщив об успехе своего
легиона в пустыне. В отличие от брата
Вулкан охотно принял помощь, которую
ему предложил Феррус, узнав о большем

обелиске в джунглях. Похоже это очень
пришлось по душе Горзону, возможность
помочь Саламандрам исцелила его
раненую гордость. Вулкан был не против ---
у него не было причин что-то доказывать
себе или легиону.

--- Я встречусь с ним, --- Вулкан
поднял лежавший на боковой консоли
драконий шлем. Вставая, он взглядел
обратно на Вераче. --- Мы ещё поговорим.

На бесстрастном лице летописца не
отразилось ничего.

--- Вулкан, я надеюсь на это. Искренне
надеюсь.

14-е Рождённые в Огне Тека'мана
стояли плечом к плечу с дивизионами
Железных Рук. Воины X легиона были
закованы в чёрный керамит с
выгравированным на наплечниках
символом белой руки. У нескольких была
агументика: боевые потери затаивали
металлические пальцы, кибернетические
глаза, стальные черепа или бионические
руки. Они выглядели такими же
холодными и твёрдыми как гранит, как их

родина, Медүза. Были они и стойкими, что Гека'тан приветствовал.

На сей раз его рота была частью второй волны и выстроилась позади Огненных Драконов. Вдали, в центре стоял Вулкан, окружённый легендарной Погребальной Стражей. Остальные Железные Руки, отборные воины, называющие себя Морлоками, ждали на другой стороне поля боя вместе с примархом. Пока разрабатывался план атаки, Гека'тану удалось немного поговорить с их капитаном. Железнорукий по имени Габриэль Сантар. Бионики советника были многочисленными, обе ноги и левая рука были машинами, не плотью. Сперва Гека'тану это казалось бесчеловечным, но спустя считанные минуты разговора с Сантаром Саламандр понял, что тот был мудрым и сдержанным воином, питавшим глубокое уважение к XVIII легиону. Гека'тан надеялся, что ему ещё доведётся сразиться вместе с благородным первым капитаном Железных Рук.

Саламандр слышал, что выживший в

избиении разведчиков представил армии важную для обнаружения последнего узла информацию. Как и предполагалось, этот был совершенно не похож на остальные. Тека'тан ясно видел над передними рядами огромную белую каменную арку, похожую на устремлённый в небеса коготь. Её, как и уничтоженный Вулканом психический узел, покрывали колдовские руны и украшали драгоценные камни. Арка стояла в центре огромной поляны, из земли выступала лишь дюжина сломанных колонн, наследие древней, давно забытой культуры. Даже сами джунгли подались назад, чтобы освободить место, или скорее выросли в органической эмпатии с аркой. Огромные корни и лозы широкой бронированной ноги Тека'тана оплетали подножие и змеились по поверхности, узел словно грелся уже много веков.

Арку окружало несколько меньших тензиров, и перед каждым стоял один из выживших колдунов. Они читали речитатив или скорее... пели. Мелькавшая между альдарами психическая энергия создавала вокруг арки сеть мерцающего света.

рагужный щит.

Для защиты последнего узла чужаки собрали не только псайкеров, но и все свои силы. Одетые в плащи и доспехи эльдары выстроились рядами напротив войск Империи.

Антигравитационные платформы парили между когортами врага, которые различались рунатами на лицах и конических шлемах. Один фланг занимала огромная стая всадников на рапторах, на другом припало к земле множество свирепых карнагонов. Звери чавкали и фыркали друг на друга, нетерпеливо роя когтями землю. Над головой полз гжунглей шелестел от взмахов перепонки и грожал от пронзительного клёкота птерозавров. Недлительные стегозавры неторопливо шагали на позиции, реагируя на внезапное появление имперских войск. На их широких спинах были установлены тяжёлые орудия, обслуживаемые расчётами эльдаров из элегантных седел с балдахинами.

Уже дважды сражавшийся с чужаками Тека'тан знал, что те не склонны к продолжительным битвам на заранее

подготовленных позициях, но легион прорвался через засады, а примарх разбил узел одним сокрушительным ударом. Уэльдаров просто не осталось выбора, кроме как стоять и сражаться. И они явно были готовы лечь в защите арки костями.

Гека'тан мог только гадать об её предназначении. Предположительно это были ворота, но куда они вели? Капитан знал лишь то, что долг велит ему убивать чужаков.

Капитан всё ещё находился на расстоянии нескольких сотен метров от боя, когда на ретинальном дисплее вспыхнул приказ выдвигаться. Потому 14-ых Рождённых в Огне под началом Гека'тана было несколько когорт фаэрийцев, и он отдал их дисциплинарным надзорателям резкие и безотлагательные приказы к наступлению. Пока дивизионные партии готовились, у Саламангра было время для последнего сообщения другу.

--- Принеси им пламя Прометея, брат, --- сказал он по воксу Гравию.

--- Да, Вулкан с нами. Увидится после битвы, Гека'тан.

Капитан оборвал связь и повернулся к командному отделению. Потрёпанные, но ещё полные сил Саламандры жаждали мести за раны, полученные от рук колдуня.

— В пламя битвы, капитан, — сказал брат Түвар, с привычным упорством переживший клинок в грудь.

Погнутый болт-пушполет висел в кобуре на месте старого, на цепном мече ещё осталась кровь и грязь. Тека'тан погнул его и закричал.

— 14-ые Рождённые в Огне, за мной... на наковальню, братья!

На поляну нагала густая пыль, погнутая предшествовавшим имперской атаке обстрелом. Вздыбленная и подброшенная в воздух бесчисленными взрывами гранат и снарядов тяжёлых орудий земля стала мрачной эмульсией в и без того тяжёлом воздухе джунглей. Передние ряды колонн вырисовывались в тумане словно парящие в мутном море изломанные острова. И враги, и друзья в грязном тумане стали призрачными силуэтами. Дрейфовали ленивые облака

дыта от взрывов и выхлопов ракет, а пробивающиеся сквозь густой полог копы солнечного света блеснули в густом воздухе, лишь добавляя смятения.

Это не было преградой для Вулкана. Он уверенно продвигался сквозь облака пыли, сокрушая молотом повернувшихся под руку врагов. Вокруг него собрались Погребальные Стражи, и вместе они пробивались к метке половины пути. Наложённая на угол ретинального дисплея тактическая карта показывала точное расстояние до арки. Святыня чужаков была такой огромной, что всё время вздымалась над близким горизонтом за радужными кинетическими щитами. Отражающие остальную часть легиона иконки указывали на уверенное продвижение, но примарх и его преторианцы вырвались далеко вперёд. Дела у дивизионов армии шли куда хуже.

Продолжительный огонь превратил большую часть листвы в туман, который без масок респираторов забивался в лёгкие фаэрийцев и их предводителей. Сквозь вопли расстрелянных и убитых меткими

выстрелами снайперов Вулкан слышал кашель людей, которых знали напролом нетерпеливые надзиратели.

После прекращения начального обстрела воздух начал становиться чище. Часть разломанной колонны показалась среди медленно оседающей пыли. В плане архитектуры она напоминала вигенный ранее узловый храм и предполагала, что когда-то этим миром до колонизации людьми владели другие существа. Скорее всего это были эльдары, но в более счастливые дни. Вулкан видел разбросанные у круглого подножия тела чужаков — трагичное напоминание о том, как много они утратили в тёмные тысячелетия до Великого крестового похода и воцарения человечества в галактике.

Эльдары продержались так долго, что свидетельствовало о настойчивости и отваге. Уважения, пусть и неохотного, заслуживал любой враг, пытающийся выдержать натиск двух примархов.

Что тревожило Вулкана, прокладывавшего себе путь через ряды

чужаков, так это непонимание почему ксеносы так упорно сопротивляются перед лицом верной гибели. Сбежав, они бы выжили. Чем этот мир для эльдаров так важен? Это лишь дикое пограничье, где разбросаны лишь развалины. Почему ксеносы цепляются за него с таким фатализмом? Разум Вулкана вновь наполнило предчувствие чего-то неведомого, но он не мог ни найти причины подозрений, ни придать им форму. Сейчас примарха занимала битва, дававшая самую важную цель.

После начальной перестрелки сражение стало серией стычек в ближнем бою.

Появившиеся из тающего тумана дивизионы армии штыками, кинжалами и выстрелами в упор прокладывали себе путь на нескольких фронтах. Подавляющее численное превосходство и непреклонная решимость надсмотрщиков и надзирателей позволяли солдатам одерживать небольшие, но всё более важные победы. В бою один на один превосходство было за эльдарами, но

чужаки погибали.

Дивизионы как Саламангр, так и Железных Рук шли на прорыв, и в воздухе повис страг трупов ящеров. Легионы наступали бесстрашно и решительно. Сыны Вулкана изрыгали потоки очищающего пламени, превращая эльдаров в пепел, и добавили выживших совместным натиском, а воины Ферруса Мануса сражались с тем же раскалённым гневом, что и их примарх, наполняя сердца врагов ужасом и трепетом. Морлоки были воистину достойными воителями, ровней Огненных Драконов, и Вулкан радовался тому, что сражается вместе с братом и его преторианцами. Но примарха Саламангр было не легко превзойти.

Такова была ярость Вулкана и его Погребальной Стражи, что вокруг них образовалось ширящееся кольцо мёртвых и умирающих эльдаров. Позволив себе мгновение передышки, Вулкан посмотрел на Ферруса. Брата было сложно не заметить.

Горгон бился без шлема и прорывал фланг врага. В серебряных руках словно

метроном вздымался и опускался. Сокрушитель Наковален, каждым взмахом круша черепа и подбрасывая чужаков в воздух. Гранитное лицо лучилось пылом и яростью, Феррус неумолимо вёл Морлоков вперёд. Обе стороны вели шквальный огонь, но никто из Железных Рук даже не пошевелился.

Вскоре противостоящие им роды эльдаров дрогнули и были истреблены, но на их место встали новые.

Раззадоренные кровопролитием багровые карнагоны проревели вызов, а всадники закричали, приказывая чудовищам идти вперёд. Железные Руки ещё добивали отчаянно сопротивляющихся эльдаров, когда Феррус Манус отдал приказ. Вулкан мог читать по губам и представлял гнев брата.

— Прикончите их немедленно!

Рождённый желанием поскорее закончить бой случайный удар молота притарха обрушился на ближайшую колонну и сокрушил её. Вулкан пошатнулся, увидев, кто на пути обломков.

Мальчик появился из ниоткуда словно

соткавшийся из тумана призрак. Ребёнок с
воем бежал вслепую, обнажённое тело
покрывал пот и чья-то кровь. Словно
ощувив нависшую угрозу, мальчик
внезапно затер в тени колонны и бессильно
посмотрел на надвигающуюся гибель. Он
еле погнёс руки к глазам.

Не смотри, гитя...

Вулкан бежал, оставив преторианцев
позади. Не успеть. Без вмешательства
колонна раздавит мальчика. Примарх
закричал, зная, что один вид гибели столь
невинного ребёнка навеки запямятает его
бесстертную душу.

Вывранный горем брата из боевой
ярости Феррус обернулся и увидел
опасность.

--- Первый капитан! --- кричал
Торгон, и появился Габриэль Сантар.

По приказу Морлоки двинулись
вперёд, стреляя из болтеров в
приближающихся карнагонов. Сантар же
задержался и бросился под падающую
колонну. Обоим руками он схватил
обломок, сервомоторы в бионической руке и
ногах взвыли от внезапного напора, но

выдержали.

Капитану хватило сил повернуть голову и сурово посмотреть на напуганного ребёнка глазами, в которых кипела ярость заточённой бури.

--- Беги же!

Мальчик с криком убежал.

И словно перед наводнением внезапно появились сотни бегущих людей. Напуганные аборигены мчались одновременно отовсюду и во все стороны, словно поднятые утихим ветром листья.

--- Терра и Император... --- прошептал Феррус Манус при виде непостижимого безумного исхода.

--- Милорд...

Несмотря на кибернетику, ноги Габриэля Сантара согнулись в коленях, а локти согнулись под тяжким грузом. Торгон быстро пришёл на помощь, отложив Сокрушитель Наковален, и забрал изломанную глыбу у советника так, словно та была обычным болтером.

Он закричал Морлокам, которых от ближнего боя отделяли считанные секунды, "ложись!" и метнул разбитую

колонну словно копье. Хуже всего пришлось
первому карнагону, взывшему от боли в
слопанных передних лапах. Затем
импровизированный снаряд покатился по
земле, мешая другим ящерам, которые
шатались и спотыкались, теряя напор.
Тут-то на зверей и набросились Морлоки,
к которым присоединился Сантар.

Феррус Манус недовольно посмотрел
на Вулкана, пронзительным взглядом
легко заметив в толпе брата.

— Полагаю, сейчас ты скажешь,
чтобы я постарался их не убить? —
поинтересовался он по воксу.

Легче сказать, чем сделать.
Мальчик добрался до относительной
безопасности, но за ним следовали сотни.
Аборигены мчались прямо через
простреливаемые поля, не замечая
опасности. Похоже, что паникующую
толпу выгнало из гнезд и укрытий
крупного поселения воинство эльдаров,
либо же это было отчаянным гамбитом
стремящихся помешать неизбежной победе
Империума чужаков.

Гнев Вулкана разгорелся с новой

силой. Вернулись мучительные
воспоминания о Времени Испытаний, когда
с неба шёл огненный дождь и раскалялась
земля Ноктюрна. Примарх полнил страх
людей и мрачное понимание, что придёт
конец всему, за что они боролись, чего
достигли. Возможно племена Убсена не
были такими уж дружными?

Убсен. Опять. Он смотрел на этот
мир новыми глазами, но почему?

Феррус прав: плоть слаба, но долг
обязывал Вулкана защищать их, потому
что он был силен.

Чем бы ни была причина панического
бегства, люди были в ужасной опасности.
Целые семьи вслепую тчались через
туман, воя и крича в безумной истерии.
Некоторые даже набрасывались на
показавшиеся на пути дивизионы армии,
бросая камни и размахивая кулаками. Из
страха никто не остеливался
приблизиться к легионерам.

А если бы вместо палок и булыжников
у них были ружья и карабины?

Племенные татировки, очевидная
лёгкость, с которой они покорились,

повсеместное проникновение эльдаров ---
несмотря на всё сочувствие Вулкан начал
задумываться, как далеко пали аборигены
от света Императора.

Из оставшегося после взрыва гранаты
облака дыма появились невредимые мать и
дочь. Вулкан видел, как они бегут, люди
были лишь в нескольких метрах от
притарха, когда он заметил на их пути
невзорвавшийся снаряд. Девочка закричала,
когда вторая граната, выпавшая из
ослабевшей руки павшего солдата,
покатилась к снаряду.

--- Погребальная Стража! --- взревел
Вулкан. --- Защитите их!

Преторианцы следовали за
притархом, но среагировали на опасность.
Раскалённый осколок прошёл оболочку
снаряда, и на свободу вырвалась огненная
буря. Нутеон и Варрун встали между ней и
угрожающими людьми, склонились и
покутали их драконьими плащами. Дождь
огня и осколков без вреда пронёсся мимо.

Нутеон стахивал пыль с линз, когда к
его нагруднику прижалась крохотная рука.
Он встретился с любопытным взглядом

девочки и внезапно затер.

А затем люди исчезли, затерялись в безумии. Мать не собиралась ждать, пока их жизни не заберёт случайная пуля или забытый снаряд. Для Нүтеона мгновение связи прошло так же быстро, как и появилось.

--- Благодарю, сыны мои, --- подбежал Вүлкан.

Оба кивнули, но взгляд Нүтеона на миг остановился на тумане, где пропала девочка.

--- Защищай их, --- мягко сказал Вүлкан, проследив взор советника.

--- Пока я жив и дышу, мой примарх, --- ответил Нүтеон. --- Пока я жив и дышу.

Вүлкан открыл канал связи.

--- Феррүс, это невинные люди, пусть и взбүдораженные. Бүдь осторожен.

--- Вүлкан, позаботься об убийстве врагов, а не спасении аборигенов, --- Горгон скривился, но его лицо стягчилось прежде, чем примарх набросился на карнагонов. --- Я сделаю всё, что смогу.

Вокруг оплота эльдаров сжималось стальное кольцо. Вүлкан знал, что если он

бүдет прорываться через центр, а Феррус
пробьёт фланг, то их пути пересекутся.
Вместе притархи сокрушат арку и
покончат с оккупацией Убсена эльдарати.
Он лишь надеялся, что это не будет
стоить слишком многих жизней.

Пока что ничто проходящее через
психический щит не исходило от шабаша
эльдарских ведьм под аркой. Не видел
Вулкан и провидицы, почти победившей
его легион в джунглях. Именно такие
колдуньи были лидерати эльдаров.
Расправься с ней, и чужаки содрогнутся.
Победа близка. Но что-то заставило
притарха потеглеть.

Над головой простирался густой,
тёмный и непролазный полог джунглей. У
Вулкана, как и у его братьев, были
хорошие инстинкты, и сейчас они
говорили, что нечто смотрит с ветвей,
нечто хищное. Но замешательство было
вызвано не только этим. Чужовищ
достаточно легко убить... Вулкан был
обеспокоен с самого разговора с Вераче. Он
не привык ни к этому чувству, ни к
подобной манере разговора, и всё же

примарх закрыл на неё глаза. Вераче что-то скрывал. Вулкан понял это только сейчас, когда его мысли очистились на наковальне войны. Посуровев, примарх пообещал себе получить ответы от летописца.

Но истина подождёт.

Из дымки показался небольшой отряд эльдаров и ринулся на примарха. Их доспехи были грухими, покрытыми лазурными пластинами и внешне более подобающими воинам. Лица скрывали шлемы-полумесяцы, украшенные сильнее, чем у собратьев-следопытов, а из-под алых плащей воины выхватили глинные тонкие мечи. С тихим гулом клинки окутала энергия.

Вулкан подал сигнал преторианцам.

Несколько рогов эльдаров уже пытались втянуть примарха в бой, чтобы остановить или хотя бы задержать очевидную угрозу, но его свита убивала всё вокруг.

--- Погребальная Стража... будьте скорыми на расправу.

Добив последних чужаков,

преторианцы устремились к
примарха на мастеров клинка.

Но те были не огни. Улюлюкающий
боевой клич возвестил о появлении
огромной стаи ранторов, мчащейся сквозь
идущий туман, эльгары заходили сбоку с
энергетическими копьями наперевес.
Мастера клинка, обменивающиеся
ударам с Погребальной Стражей,
специально оттянули на себя
преторианцев.

--- Хитро... --- прошептал Вулкан.

Он повернулся к ранторам, воздев
толот над головой.

--- Этим крошечным копьям меня
даже не поцарапать! --- взревел примарх и
обрушил оружие на землю.

Земля... раскололась от невероятного
удара, треснула и осела в расширяющийся
кратер. Поразительная сила Вулкана
вылилась в сокрушительный толчок,
устремившийся навстречу ранторам.
Обломки разбитых скал вылетали из
земли, ящеры визжали и шатались, встав
на дыбы, а их всадники вылетали из седла.
Оглушённые, почти сокрушённые передние

ряды исчезли в буре грязи и были затоптаны остальными.

Задержанные мёртвыми и утирающими всадники могли только кричать, когда на них обрушился Вулкан.

Эльдары и их ящеры долго не продержались. Когда Вулкан закончил грязную работу, Погребальные Стражи уже убивали последних мастеров клинка. В доспехе Ганна осталась ужасная вмятина, а Узатарон потерял в бою шлем, но в остальном преторианцы были невредимыми.

--- Нас теснят, --- сказал Вулкан, глядя, как Феррус убивает последнего из огромных карнагонов.

--- Примарх, на нашем пути остались лишь раздробленные остатки, --- Нутеон взмахнул окровавленной алебардой.

Советник был прав. Конец эльдаров был близок. Они отчаянно сражались против Империи, но гибель карнагонов положила конец сопротивлению.

Для обеспечения полной победы осталось сделать лишь одно.

Монолитная арка непоколебимо

стояла за психическим щитом, собравшийся вокруг неё ковен ведьм нел с самого начала боя. Вулкан прищурился, взглядываясь в барьер психической энергии, и не увидел ни следа провидицы. Но осталось чувство, что кто-то наблюдает за ним сверху.

--- Она где-то здесь... --- прошептал примарх, переводя взгляд с окутанного тенями полога на поле боя. --- Чужаки ещё не сделали свой последний ход.

Другие Саламандры уже были близко, даже армейские дивизионы приближались к марке, но Феррус Манус не собирался ждать подкреплений --- он рвался на шашах. Вулкан повернулся к свите.

--- Угём.

Вся отвага ксеносов не выдержала свирепой решимости Вулкана и его преторианцев. Вокруг остывали изувеченные тела эльдаров. Воспоминания о гибели Бреугара на клинках жестоких чужаков необъяснимым образом всплыли в его разуме, разожгли пламя ярости ещё жарче. Примарх едва различал врагов --- все они слились воедино, и у всех было лицо

поработительницы.

--- Притарх, --- к действительности
его опять вернул Нүтеон, верный, надёжный
Нүтеон.

Вулкан сжал его бронированное плечо.

--- Прости, сын мой, на миг меня
захватило пламя битвы.

--- Мы на месте, --- без лишних слов
сообщил советник.

Яркие вспышки энергии расцветали
по поверхности щита, который пытались
разбить Железные Руки. Волты бессильно
взрывались на непробиваемой поверхности,
такой же толк был от огнемётов и
тяжёлого вооружения.

Феррүс Манүс взмахнул
Сокрушителем Наковален, и оружие
безвредно отскочило. Он обернулся, краем
глаза увидев Вулкана.

--- Есть мысли, как пробить эту
штүкү?

Вулкан посмотрел сквозь прозрачную
психическую мембрану. Продолжавшие
петь ведьмы начали уставать, пот
стекал по бледным, неземным лицам,
скривившимся от крайнего напряжения. Их

силы убывали.

--- Я собираюсь бить, пока не треснет, --- он поднял Громогласный, наслаждаясь чувством мощи и крепкой рукояти.

На лице Ферруса появилась ухмылка --- нечастое зрелище на столь сдержанном и серьезном лице.

--- Как сломать новую наковальню.

Он собирался затахнуться вновь, когда над головой раздался оглушительный вопль, сотрясший полог джунглей на километры вокруг. Земля содрогнулась, когда вопль стал гортанным, свирепым рёвом, и в этот миг словно облако заслонило солнце. У порога арки лучи света упали на щит, яркие отблески заплясали в глазах. Они исчезли, когда всё заслонило нечто огромное и ужасное.

От резкой вони воздух стал тяжёлым и густым, и Вулкан скривился, глядя на оптрачённое небо. Пахло от чудовища. К ним спускалась огромная тень, похожая на птерозавра, только гораздо, гораздо больше. Зверь едва взмахивал перепончатыми крыльями, но поднятый

ветер поверг наступающих фазрийцев на колени. Некоторые так и остались стоять или согнулись, съежившись от ужаса. Легионеры заняли позиции рядом с примархами, холодно глядя на чудовище из-за линз шлемов. Поднялся гвалт, когдастая меньших птерозавров появилась из-заогромных крыльев птерадона.

Феррус Манус показал на них толотом.

--- Косящий граз!

Морлоки открыли шквальный огонь. Кружащих и воющих птерозавров разрывало на части. Несколько случайных болтов взорвались на шипастой шкуре огромного птерадона, что лишь разъярило зверя --- старого и упрямого, похожего на ожившее чудовище из мифов. Муриады шпатов покрывали шкуру, а из костлявой торды выступал огромный рог, окровавленный и потемневший от времени. Когти глиной с примархов выступали из крепких лап. Спину и конечности покрывала бурая чешуя толще любой когда-либо выкованной брони, а цепкий хвост заканчивался похожим на топор шипом.

Но, каким бы величественным не было чудовище, внимание Вулкана привлекла его всадница.

--- Вот ты где...

Провидица подчинила своей воле существо и оседлала его. Невероятно, но для управления птерасоном ей не были нужны руки, одна из которых сжимала колдовской посох, а другая -- сверкающий покрытый рунами меч. Намерения собравшейся на войну провидицы стали очевидными, когда она уставилась на двух примархов.

Вулкан снял шлем, желая взглянуть чудовищу в глаза, и лицо его скривилось в оскале.

--- Мы должны убить эту тварь, брат.

Первобытный рёв заглушил ответ Торгона, забрызгал врагов горячей вонючей слюной. Люди дрогнули. Некоторые обмочились и бежали. Легионеры открыли огонь. Медные болты огненными цветками вспыхивали на ребристом теле. Зверь поднялся на задние ноги, расправив крылья словно ангел-змей, а затем хлопнул ими с удивительной силой. Воздух содрогнулся, а

затем от точки удара с глухим рокотом
пошла ударная волна, ураганом
обрушившаяся на имперские войска.
Фээрийцы и их офицеры разлетелись в
разные стороны, удар расплющил их
внутренности. Солдаты кружились и
падали словно куклы с обрезанными
нитями, деревья гнулись, трещали и с
корнем вылетали из земли. Вырванные
пни и груды веток пробивали танки и
погребали под собой целые когорты. Воины
решиительно сопротивлялись, но падали
даже легионеры, вокруг кружилось густое
облако пыли.

Стоявший рядом с Вулканом Феррус
заскрежетал зубами. Гнев ясно отразился
на его лице.

--- Брат, не возражаю.

Перед ними лежала арена из
разбитых пней и сплюснутых растений.

Налёт пыли покрыл доспехи и
окружил зверя словно обычный земной
туман. Нависший над примархатом
птерадон смотрел на них с древней
ненавистью и злобой.

--- Попробуй ещё раз, чудовище, --- голос

Вулкана опустил ся до хищного шёпота.

Он услышал тихий хлопок
стеснённого воздуха и заметил движение
как раз вовремя, чтобы сбить Ферруса с
ног. Над головой пронеслось нечто
покрытое чешуёй -- хвостовой мопор зверя
едва разминулся с открытой шеей Горгона.

Вулкан быстро вскочил и побежал.

-- Брат, только не потеряй голову.

-- Следил бы за своей. Мою плоть
такой ерундой не пробить, -- Феррус
скривился. Он тоже бежал, обходя
пентагона со слепой стороны.

Чудовищная сила и размер были
значительными преимуществами, но
летающий ящер не мог использовать их
против обоих врагов, когда те
разделились. Издав звучный вопль,
пентагон бросился на Вулкана.

Охотиться на чудовищ было второй
природой притарха Саламандр. Ноктюри --
родина многих покрытых чешуёй и
хитином кошмаров, и мальчиком Вулкан
убивал их всех. Огромен был дракон, чью
шкуру он носил как мантию, но это... это
был настоящий исполин.

Вулкан потерял брата из виду за
түшей птерадона, но держался ближе,
чтобы не дать зверю размахнуться.
Прогорклая вонь вблизи была лишь сильнее,
и смертные давно бы задохнулись от
страда, но примарх был в пүстошах горы
Смертного Огня и выжил в её серных
парах. Запах был ничем.

Горячая цепь искр сорвалась с доспеха
примарха, когда монстр задел его
когтями, но Вулкан повернулся и ударил
Громогласным в бок. Чешуя прогнулась и
треснула, показалась кровь, и зверь взвыл
от боли. К воню добавил приторный
медный запах, и Вулкан понял, что
птерадону больно.

Двигайся. Мысль словно мантра
кружилась в голове примарха, пока он
кружил у бока ящера. Остановиться
значит умереть.

Ни один человек не мог сражаться с
таким чудовищем. Примархи были
большим, чем люди, большим, чем
костодесантники.

Они были подобны богам, но даже боги
могут пасть.

Словно услышав его мысли, чужовище набросилось вновь. Оно сделало вынаг, и Вулкан едва избежал острых как бритва зубов. Он затахнулся для ответного удара, но был вынужден опустить плечо, и зверь вновь щёлкнул пастью. Ящер ударил его всей своей тушей, и Вулкан пошатнулся, сделал шаг назад.

Перед глазами примарха маячили клыки — глинные как ценные мечи и истекающие слюной.

Он провёл Громогласным по узкой дуге, чтобы расслабить запястье, и приготовился сокрушить шею зверя, когда в него впились вырвавшиеся из земли корни.

Вулкан зарычал.

Ведьма пыталась колдовством уравнять шансы.

Примарх вырвал руку, но вокруг него обвивались всё новые корни, прижимая к земле. Вулкан взревел, взревел и зверь, чувствуя, что близок вкусный обед. Пасть открылась словно разлом к земле, и примарх готовился откусить голову примарха, как вдруг отшатнулся от

внезапной боли. Повернув жёсткую шею, чтобы заглянуть через плечо, ящер закричал на второго врага.

--- Братец, я ж тебе говорил приглядеть за собой...

Из-за чужовища появился Феррус Манус, видный между огромными лапами. Он расколол кость в перепончатом крыле и отскочил, когда зверь запоздало взмахнул хвостом. Разорвав живые оковы, Вулкан обрушил Громогласного на беззащитное брюхо твари. Разорвались мускулы, треснули кости, ящер вновь взвыл от боли. Взмах когтей огромного крыла заставил примарха отступить, тогда как Ферруса Мануса сдерживали взмахи шипастого хвоста.

Вновь подобравшись поближе, Вулкан сорвал со спины зверя кусок чешуи. После нанесённого обеими руками удара кровь вновь потекла по шрамам между наростами, и примарх понял, что великий зверь слабеет.

--- Мы близко! --- заорал он.

Феррус сокрушил ногу ящера, и тот с воплем пошатнулся от боли. Кровь

забрызгала нагрудник Вулкана, когда он разбил часть морды птерадона. Зверь отшатнулся, и тут Феррус пробил перепонку одного из крыльев. Свирепые примархи разрывали чудовище на части. Из глотки птерадона вырвался паникующий клёкот, бұлькающий от крови во рту и носовой полости. Ящер внезапно понял, кто здесь хищник, а кто добыча.

Он пытался бежать, но примархи безжалостно молотили по крыльям и крушили тело так непринуждённо, словно готовили себе отбивную. Наверху что-то сверкнуло, и молния ударила в грудь Ферруса. Он отшатнулся, и чудовище стало взлететь. Несмотря на раны, тяжёлые взмахи крыльев набирали высоту. Другой психический разряд устремился к Вулкану, но тот уклонился и вцепился в бок птерадона.

--- Не сбежишь... --- прошептал он, сжатая края чешуи словно выступы скалы, а земля уносилась всё дальше.

--- ВУЛКАН!!!

Крик Ферруса унёс ветер, ринувшийся в уши примарха. Он хлестал, выл и

кричал, а чужовище взлетало всё быстрее и выше. Встретивший ярость стихии Вулкан сжал зубы и полез дальше. Сквозь рёв бури он слышал удары металла по металлу. Примарха звала наковальня.

Мир вокруг превратился в воющий вихрь, и прижавшийся к грубой шкуре зверя примарх понял, что они всё ещё взлетают. Когда он разжал руку, на латных перчатках осталась кровь. Вулкан подтянулся, вцепившись в грубую чешуйку. Медленно. Каждое мгновение таило опасность соскользнуть и низвергнуться в первозданное забвение. Когда они ворвались в полоз леса, градом посыпались обломки ветвей, царапая лицо словно ногти, и на миг примарх ослеп, его зрение заполонили листья. Вулкан держался.

В его ушах отдавались удары молота по наковальне.

Когда они вырвались из джунглей, Вулкан смог подняться чуть выше и добрался до костяного выступа на лане. Примарх боролся с гнетущей дезориентацией, безутный взлёт унёс все видимые и слышимые ориентиры.

Направление потеряло смысл, в ушах болезненно отдавались взмахи тяжёлых крыльев. Остались лишь необходимость держаться и воля лезть. Зверь взлетал.

Солнце всё ещё пылало в небе, но скрылось за тучей, чужовище взмывало всё выше. Оно не могло сбросить примарха. У ящера едва остались силы для полёта, поэтому Вулкану нужно было лишь выдержать неистовый ветер, вырывающий пальцы из опор. Он цеплялся и медленно поднимался к добыче. Мысли вернулись к лавовому разлому и всему, что произошло так много лет назад.

То была другая жизнь.

Забравшись на мускулистую спину тежгу крыльями чужовища, примарх нашёл врага.

--- Вегьма! --- окликнул он, перекрикивая бурю.

Она оглянулась через плечо. Глаза сверкнули психическим огнём, разряд промчался мимо лица Вулкана.

--- Что, и это всё? --- закричал примарх.

Провидица направила на него посох и

высвободила бурю молний, обжёгших доспехи и оставивших на щеке глубокий шрам. Вулкан скривился, но непреклонно приближался. Каждый мучительный рывок приближал его ближе. Примарх чувствовал, что монстр выдыхается, слышал тяжёлое дыхание и ощущал напряжение грожающих мускулов.

Неспособный взлететь ещё выше, император взмахнул крыльями и выровнял полёт, позволив провидице покинуть седло и встать на широкую мускулистую спину. Она смотрела на примарха, направляя силу в клинок меча.

Вулкан поднялся. Он поднял молот нарочито медленно, чтобы ведьма в полной мере осознала, что значит сражаться с одним из сынов Императора.

--- Сдавайся и всё будет быстро, --- пообещал примарх.

Вместо этого ведьма бросилась на него.

Вулкан ринулся в бой.

Под ногами была не гладкая земля, а неровная спина чудовища, но примарх даже не запнулся. Рунический клинок сверкнул

словно язык загюки, отведа в сторону
Громогласный. Она ударила вновь, оцарапав
украшение нагрудника. Вулкан замахнулся,
но невероятно ловкая ведьма отскочила и
идеально приземлилась на спину
антагониста. Она сделала выпад, метя в
сердце Вулкана. Меч прошёл через блок
притарха, но не смог пробить броню и с
треском сломался. Провидица задохнулась
от психического отката и отшатнулась,
сжимая обожжённую руку.

Вулкан схватил за горло эльдарку и
повалил её.

--- Этот мир принадлежит
Империи.

Она потеряла посох, упавший с
чужовища, а меч превратился в обугленную
рукоять. Осталась лишь решимость.

Провидица плюнула на доспехи
Вулкана, в слюне была кровь.

--- Варвар! --- Имперский диалект
звучал странно грубо в её лирическом
языке. --- Ты не ведаешь, что творишь... ---
Бледные губы покраснели, пыл в глазах
угасал. --- Если ты уничтожишь это... то
обречёшь этот мир на худшую судьбу, чем

уже обрѣк.

Вулкан ослабил хватку и был вознаграждён предательством. Между ними протелькнул разряд психического огня, и примарх отшатнулся, выпустив провидицу. Второй удар сбил его с ног. Вулкан отчаянно пытался удержаться.

Паникующая провидица вскочила в седло и направила птерадона в мёртвое поле. Головокружительный рывок, и примарх падает через бок птерадона, отчаянно пытаясь за что-то ухватиться.

Она пела, призывая толстые как копья колючки из леса. Вулкан прищурился, вцепившись в толстые чешуйки. Прижавшись к холодной шкуре птерадона, он терпел внезапно налетевший шквал обломков.

Спуск был быстрым. Напряжение сжало тело примарха словно кулак в латной перчатке. Гибнущий зверь падал как камень. Он прорвался через изломанный полог словно сквозь атмосферу другого мира, но не было ни пламени, ни ореола жара --- лишь ветер и лчающаяся навстречу земля. Чужовище падало, а

хватка Вулкана слабела. Инерция тянула
вверх чешую, за которую он цеплялся,
угрожая разорвать сухожилия и вырвать её
с мясом.

Внизу маячили плоские и
безжалостные просторы, которым было
достаточно гравитации, чтобы ломать
кости и крушить плоть. Похоже
провидица собиралась убить их обоих.
Вулкан держался, надеясь на свою
сверхчеловеческую стойкость. И в
тридцати метрах от земли инстинкты
выживания взяли своё. Жалобно взвизгнув,
птерадон попытался выйти из пике, но
слишком поздно. Тщетно пытавшееся
взлететь чудовище врезалось в землю.

Удар поднял в небо огромные котья,
опустилась тьма. Вулкана отбросило от
спины ящера, но он быстро поднялся.
Притарх был недалеко от вонзившегося в
землю птерадона. Зверь принял удар на
себя, и трещины покрывали его
изувеченный труп. Крылья разорвались,
разбитые кости клинками пронзили
перепонки, которые были прочнее обшивки
самолётов. Густая жидкости сочилась из

изогнутой морды, а шея была вывернута под неестественным углом. Вулкан побежал, зная, что падение могла пережить и провидица.

Скрытая медленно оседавшим облаком пыли ведьма пыталась выбраться из обломков. Кровь окрасила её одеяния, нога явно была сломана. Она злобно уставилась на приближающегося примарха, оскалив обзгрённые зубы. Призвав ореол молний, провидица подняла руку в последней отчаянной попытке убить его. Но Вулкан взмахнул молотом прежде, чем разыгралась психическая буря, и съел ей голову с плеч.

Кровь всё ещё фонтаном била из изувеченной шеи, когда тело словно осознало смерть, и обезглавленная провидица рухнула сначала на колени, потом на живот. Её быстро окружила лужа крови.

Феррус Манус молча смотрел на остановившуюся у его ног голову.

— Всё кончено, брат, — сказал ему Вулкан.

Горгон задумчиво на него посмотрел.

--- Победа.

Дивизионы легиона и армии патрулировали поле боя в поисках врага. Раненых эльдаров быстро добивали, а имперцам либо оказывали первую помощь, либо в случае слишком тяжёлых ран облегчали муки. Грязная, военная работа, но нужная. По полю боя ещё метались небольшие группы аборигенов, потерявшихся и явно напуганных. Попытки сознать их для медосмотра и пересчёта сначала встретили враждебность, но постепенно дикари мирно подчинились.

Смерть провидицы сломала эльдаров, они больше не вернутся. Карательные отделения уже были посланы в джунгли, чтобы выследить последних. Феррус Манус сделал то же самое, прежде чем покинуть пустыню, а Мортарион несомненно истребил на ледяных равнинах всех врагов.

Армейские надзиратели заставляли фаэрийцев собирать костёр для гниющей туши птерадона. Такая груда мяса и костей будет гореть долго. Вулкан

нахмурился, глядя, как самые наглые и запальчивые солдаты делают наглые жесты, забравшись на трюп. Недостойно. Неуважительно.

--- Каково это было? --- спросил Феррус Манус. Примарх Железных Рук стоял рядом, обозревая последствия.

--- Что было? --- Вулкан повернулся к брату.

--- Полёт на спине зверя. Не думал, что кто-то из Восемнадцатого окажется столь импульсивным, --- он застёялся, показывая, что не имеет в виду ничего серьёзного.

Вулкан улыбнулся. Ему всё ещё было слишком больно для смеха.

--- Напомни мне никогда так больше не делать.

Примарх вздрогнул, когда Горгон хлопнул его по спине.

--- Эх ты, любитель славы.

После победы настроение Ферруса улучшилось. Сила и отвага возродились в его глазах, а легион помог привести Одина Пять-Четыре Четыре к покорности. Славный день.

Они стояли перед аркой, психический щит пал. После его разрушения шабаш вспыхнул, как раздутое пламя свечи. Теперь перед окружающими арку тенгирати лежали лишь обгорелые трупы.

--- Такова участь всех врагов, --- Феррус нул гругу непла.

--- Они довольно долго держались, --- сказал Вулкан. Он пристотрелся к мужчине, чьи пальцы сжались словно когти. Колдун боролся до конца. --- Я не могу понять, почему они так яростно защищали это место.

--- Кто поймёт нравы чужаков? Вопрос скорее в том, что нам с этим делать, --- он пренебрежительно махнул в сторону тяжёлой арки, лишившийся психической защиты. --- Если конечно ты не собираешься вновь выпрыгнуть и разбить её.

Вулкан не оценил юмор Горгона, его внимание приковала арка. Врата, предположил Вераче.

Но куда?

--- Думаю просто уничтожить её будет ошибкой. Но крайней мере, пока мы

не поймём её предназначение.

Легкомыслие Ферруса словно застыло, и он посерьёзшел.

--- Её нужно уничтожить.

--- Мы можем выпустить большее зло, --- сурово ответил Вулкан.

--- Брат, что на тебя нашло? --- Горгон прищурился.

--- Что-то... --- Вулкан покачал головой. Он увидел знакомое лицо, когда взглянул на плиту под аркой. --- А он-то что здесь делает?

Феррус схватил Вулкана за руку, когда тот направился к плите.

--- Мы установим заряды и подорвём арку.

--- Отпусти меня, Феррус, --- Вулкан вырвал руку и встретил сердитый взгляд брата.

Горгон скривился, но протолчал.

Когда Вулкан подошёл к плите, там уже никого не было. Вераче исчез. Он обошёл плиту по кругу. Не было ни следа летописца, но примарх заметил несоответствие в рунных узорах.

Он вызвал Погребальную Стражу и

поднял молот.

--- Ты это видишь? --- спросил Вулкан советника.

--- Да, примарх. Проход, --- Нүтеон выхватил алебарду.

Лишь трещина, нарушение рунического узора, но определённо дверь.

--- Откройте, --- советник кивнул Ганни и Узатарону.

Преторианцы убрали клинки в ножны и упёрлись плечами в стенку плиты. Леодрак и Скатар'вар встали по обе стороны с оружием на изготовку. Если что-то появившееся изнутри нападёт, то найдёт лишь быструю смерть. Руны покрывали дверь, достаточно высокую для легионеров и сделанную из того же камня, что и арка. Со скрежетом камня и камень она поддалась, открыв невысокую лестницу, ведущую в зал под аркой.

--- Опустите оружие, --- приказ Вулкан.

Преторианцы повиновались. Нүтеон и Варрун опустили клинки последним и настороженно взглядывались во трак.

--- Какие ужасы нас ожидают? ---

спросил советник.

Вулкану вспомнилась небольшая комнатка под наковальней в кузне, которую по её просьбе запечатал Н'бел.

--- Есть лишь один способ выяснить, ---
сказал примарх. --- Я иду первый.

Затем он шагнул внутрь и погрузился во тьму.

--- У меня столько вопросов...

--- Некоторые ответы придут лишь со временем. Многие ты найдёшь сам.

Они сидели вместе, глядя на восход в Погребальной Пустыне. Неприветливая, суровая земля, но это дом.

Или так думал Вулкан. Всё изменилось за несколько последних часов или, по крайней мере, изменилось его отношение.

Он повернулся, чтобы посмотреть Чужеземцу в лицо --- старое, но молодое, умудрённое, но невинное. В тоне была благожелательность, свидетельствующая о понимании, но что-то в поведении говорило о печали или бремени великого знания. В глазах сверкал огонь --- не такой,

как у Вулкана, кузня была глубже, то было
пламя воли, ведущей великий труд к
завершению.

Вулкан не знал, что он понял сам, а
что передал ему Чужеземец. Он знал лишь,
что ему предначертана судьба среди звёзд
за пределами Ноктюрна. Лицо согревал
катающийся по равнине жаркий ветер,
несущий запах непла... Вулкан понимал,
что ему этого будет не хватать. Его
печалила одна мысль об уходе.

--- У меня есть братья?

--- Многие, -- Чужеземец кивнул. --
Некоторые уже ждут твоего возвращения с
тем же нетерпением, что и я.

Это понравилась Вулкану. Он всегда
чувствовал себя одиноким, несмотря на
безоговорочное принятие народом
Ноктюрна. Знание, что в галактике есть
и другие плоти и крови его, и что встреча
уже близка, утешало.

--- Что будет с моим отцом, я имею в
виду Н'бела?

--- Не нужно бояться. Н'бел и весь твой
народ будут в безопасности.

--- А кто защитит их, если здесь не

будет меня?

Тёплая улыбка Чужеземца унесла тревоги Вулкана.

--- Тебя ждёт великая судьба. Вулкан, ты мой сын и присоединишься ко мне и своим братьям в крестовом походе, который объединит галактику для человечества и сделает её безопасной, --- на лице появилась внезапная печаль, и при виде её сердце Вулкана кольнуло. --- Но ты должен покинуть Ноктюрн, и мне действительно жаль. Ты мне нужен, Вулкан, сильнее, чем знаешь, и возможно не узнаешь никогда. Ты самый сострадательный из моих сынов. Твоё благородство и скромность удержат вместе разобщённых родичей. Ты --- земля, Вулкан, её стабильность и плоть.

--- Я не понимаю, о чём ты просишь, отец, --- странно было звать так Чужеземца, сущность или человека, которого он едва знал и всё равно чувствовал неоспоримую связь.

--- Ты поймёшь. Жаль, но мне придётся покинуть вас, когда я буду нужнее всего, но я постараюсь следить за

вати, когда стогу.

--- Хотел бы я понять, что всё это значит и кем я должен стать, --- Вулкан поднял голову к небу и посмотрел на солнце, обжигающее весь Ноктюрн безжалостными лучами.

--- Ты поймёшь, Вулкан. Обещаю, ты поймёшь, когда придёт время.

Золотой свет из-под кожи окутал Чужеземца, когда он сбросил личину и открыл истину...

* * *

Эхо разносилось по раскинувшимся под плитой катакомбам. Нечто влекло Вулкана вниз, он спускался как в тумане. А увиденное на самом дне заставило его жаркую ноктюрнскую кровь похолодеть.

--- Что это за место? --- прошептал Нутеон.

На стенах были намалёваны странные символы, чуждые по происхождению, а в нишах располагались

святилища мерзких божеств. Процессия грубых, глиняных и бесполой статуи тянулась по краям подземного хода вглубь комплекса. На том конце тени двигались в отблесках ритуального костра.

--- Храм, --- голос Вулкана был глубоким и полным гнева. Он обнажил зрачки.

Раздался шорох и скрип, каждый Погребальный Страж выхватил короткий меч. Никто не собирался брать любимое оружие о грязных жрецов-тракобесов.

--- Уйдите тихо и следом за мной, --- сказал Вулкан и направился к мерцающему свету.

К примарху вернулось мерзкое предчувствие, росшее с самой встречи с мальчиком в джунглях, коварные когти мерзали его решимость. Вулкан вспомнил, как недавно размышлял о событиях на Убсене до прихода просветителей Империи.

Как далеко от света Императора жили аборигены?

Вулкан дошел до края другого зала --- примечательно круглого, вырубленного из земли

и полного глины. На стенах были вырезаны те же символы, а по всем сторонам света стояли тотемы, в центре горело кольцо огня. Вокруг него скакали люди и пели. Пели те же лирические мантры, что и провидица. К поддерживающей потолок деревянной колонне внутри ритуального круга был привязан кто-то, частично скрытый разгорающимся пламенем. На поверхности дерева тоже были вырублены руны, символы чужаков.

Один из жрецов повернулся, когда Вулкан выступил на свет. Лицо скрывала маска какого-то жалкого божества эльдаров, а на груди была вырезана руна. Увидев примарха, сумрачного великана с мерцающими глазами демона, жрец завопил. Пение оборвалось, поднялись крики, кто-то выхватил зазубренные клинки. Это было всё равно, что пытаться биться с терранским медведем иголкой. Поняв, что им заблокировали единственный путь к выходу, сектанты бежали к краю пещеры и там столпились. Некоторые изрыгали проклятия, но опустили клинки, чтобы не провоцировать

воителей.

Нүтеон шагнул вперёд со злобым скалом на губах.

--- Стой! --- приказал примарх. Похоже, преторианцы уже были готовы убить людей, но замерли и просто пристально на них смотрели.

--- Они не хотели, чтобы их спасали, --- Вулкан частично обращался к себя. --- Они уже были спасены, но не нами.

--- Примарх, они ничем не лучше эльдаров, --- процедил Нүтеон, всё ещё нетерпеливый и готовый убивать.

--- Как я был слеп.

Убрав в ножны гладиус, поскольку опасности не было, Вулкан подошёл к кругу огня. Увиденное внутри заставило его пошатнуться.

Загрохотали госпехи, когда Погребальная Стража направилась к господину, но их остановила поднятая рука примарха.

--- Я в порядке, --- голос Вулкана был чуть громче шёпота. Его взгляд полностью приковала фигура, пещера словно соткнулась вокруг, обрушив на

примарха бремя судьбы.

Он узнал только глаза, тело давным-давно съёжилось от недостатка влаги и превратностей судьбы.

Он запомнит эти глаза, узкие как кинжал и полные тучительной апатии.

Грудь Вулкана наполнилась болью, старые воспоминания вернулись словно открытые раны.

--- Бреугар...

От мысли о мёртвом работнике по металлу огненные слёзы потекли из глаз примарха, когда он понял, с кем оказался лицом к лицу. Она тоже его узнала, но похожее на труп лицо не могло выразить ничего.

--- Ведьма-поработительница.

Внезапно битва у врат Гесиода перестала казаться такой галёкой.

Сутеречные призраки были здесь, на Убсене, и терзали его, как и Ноктюри все эти века. Открылась ужасная и безжалостная истина. Люди поклонялись эльдарам, потому что те были их спасителями. Они спасли их от поработителей, своих тёмных родичей. У

теперь люди пытали одну из ведьм для какой-то мерзкой цели, возможно чтобы оградить себя от новых вторжений, а может чтобы изгнать ужас из мифов. В любом случае гнев Вулкана поднялся на поверхность словно лава за миг до извержения.

Он в последний раз отвернулся от ведьмы.

--- Этот мир потерян, --- он чувствовал слабость, почти оцепенел. Дыхание было прерывистым и злым, зубы сжались, как и кулаки. Вулкан прошептал приказ, --- Никто не должен покинуть это место живым... --- а затем смог говорить достаточно громко, чтобы вызвать панику жрецов, --- Убить их всех.

С тяжелым сердцем Вулкан направился прочь и оставил позади бойню.

Отец, мои глаза открыты.

Он знал, что нужно делать.

С возвышающихся над великой рунической аркой холмов Вулкан смотрел, как горят пожары. Вдали тяжёлые шаттлы входили в верхнюю атмосферу.

унося десятки тысяч армейских дивизионов
к новой зоне боевых действий, внизу платя
медленно пожирало джунгли. Всё горело.
Этот мир сожгут дотла, минеральные
запасы выкопают до последней крохи и
используют для продолжения Великого
крестового похода. Убсен стал миром
смерти, он стал Ноктюрном.

--- Сегодня я одобрил убийство
невинных, --- сказал Вулкан колышущейся
на ветру дымке жара. Раскалённой,
прекрасной, ужасной.

И ответил ему Феррус Манус.

--- Лучше очистить это место и
начать заново, чем оставить заразу
гноиться, --- Горгон пришёл попрощаться до
следующей кампании. Его Морлоки и
остальные Железные Руки уже
погрузились на борт, задержались лишь
примарх и Габриэль Сантар.

--- Знаю, брат, --- в голосе слышалась
покорность.

--- Вулкан, ты рисковал своими
людьми и своей жизнью. Всех не спасти.

--- Разбитые нами узлы удерживали
её в спячке, --- он показал на арку. --- Это

врата. Я видел такие давным-давно. Они
ведут в бесконечную тьму, где ждут лишь
ужас и страдания. Это я сделал, Феррус. Я
обрёк планету на ту же судьбу, что и свою.
И как мне жить с этим знанием?

--- Ещё многие миры сгорят до конца
крестового похода -- невинные миры. Брат,
речь идёт обо всей галактике. Что по
сравнению с ней одна планета? ---
проворчал Феррус, выдав свой гнев и досаду
от непонимания. --- Твоё сострадание это
слабость и однажды тебя погубит.

Феррус удалился к ждущей "Грозовой
птице", а Вулкан остался смотреть на
бүшующее пламя.

Недолго он оставался один.

--- Примарх, корабли взлетают, --- мо-
был Нүтеон, пришедший позвать господина.
Вулкан повернулся к советнику.

--- Ты нашёл летописца, как я просил?

--- Да, милорд, --- Нүтеон отошёл,
открыв одетого в мантию и выглядящего
образованным человека.

--- Это не Вераче, --- нахмурился
Вулкан.

--- Примарх?

--- Это не Вераче.

--- Моё имя Глаиварзель, милорд, ---
летописец боязливо поклонился. --- Вы
обещали поведать мне историю своей
жизни, чтобы я мог запечатлеть её для
потомков.

Вулкан проигнорировал его, глядя на
Нүтеона.

--- Приведи летописца Вераче. А с
ним я поговорю позже.

Нүтеон быстро увёл Глаиварзеля, но
вернулся со ступённым выражением.

--- Примарх, я не знаю, о ком вы
говорите.

--- Это такая шутка, советник? ---
Вулкан начал сердиться. --- Приведи
друго... --- он утолк. В глазах Нүтеона
вообще не было понимания.

К примарху вернулись слова
Чүжезетца.

Я постараюсь следить за вами, когда
стогу.

Вся ярость покинула Вулкана, и он
взял Нүтеона за плечи, как отец сына.

--- Прости. Готовь корабль. Я буду
через минуту.

Если Нүтеон и понял, что произошло, то не подал виду. Он лишь кивнул и отправился исполнять долг.

Вулкан остался наедине с мыслями.

Океан огня омывал джунгли. Деревья почернеют и утрут, от листьев останется лишь пепел. На месте плодородных земель возникнет бесплодная равнина, сгинет целый народ. Он представил, как придут поселенцы, как будут садиться набитые людьми тяжёлые шаттлы. Поселенцев будет ждать новый, необжитый мир. Мир Один-Пять-Четыре Четыре. Жизнь не будет лёгкой.

Вулкан был уверен, что сүтеречные призраки вернутся, но колонисты возьмутся за оружие и будут сражаться, как и его народ. Жизнь будет суровой, но славной и достойной. Н'бел научил, что это важно.

Когда примарх прибыл на Убсен, то был не в духе, его решимость притупилась. Он хотел спасти этих людей, но не смог, однако нашёл казавшуюся потерянной часть себя. Некоторые считали сострадание изъяном, так точно думал

Феррүс Манүс. Но Чүжеземец открыл
Вулкану глаза и показал, что это его
величайшая сила.

--- Я назову этот мир Кальдерой, ---
сказал примарх и поклялся защищать его с
той же яростью, что и Ноктюри. Это не
будет ещё один покорный мир, число без
сердца. Вулкан забрал многое, но хоть это
мог дать взамен.

Пламя вздымалось всё выше. Густые
облака непа проносились по багровому
небу, начинался Агский Рассвет. Вулкан
посмотрел на небо и встретился взглядом
со злобещим солнцем. Солнцем Прометея.

Примечания.

Легион Саламангр.

Из могучих легионов костодекантников на службе Императора во времена Великого крестового похода наибольшим количеством дивизионов огнемётчиков могли похвастаться Саламангры, несмотря на относительную малочисленность. Во время завоевания планеты Огун-Пять-Четыре Четыре в 154 экспедиции, армии Вулкана, было шесть полных дивизионов огнемётчиков, три из которых остались в резерве. Обширное применение этого оружия следует из предпочтительной XVIII Легионом тактики боя лицом к лицу, идеально подходящей для войны в джунглях.

Мантия Саламангры.

До воссоединения с примархом легион Саламангр не носил в бою характерные чешуйчатые мантии. Этот обычай возник позднее в честь убийства Вулканом грозного огненного дракона Кесаря, череп

которого он носит на наплечнике. Мантии не только придают легионерам вид грозных рептилий, но и обладают природной устойчивостью к огню и укрепляют репутацию XVIII-ых как воистину рождённых в пламени. В это же время, опять же в результате влияния Вулкана, Саламангры начали следовать некоторым учениям Веры Прометея, воспевающей добродетели самоотверженности, самостоятельности и стойкости.

Фаэрийские армейские дивизионы. Фаэрия -- мир смерти размером с луну в сегменте Соляр. Из-за небольшого размера она указана на очень немногих галактических картах. Покрытая пустынными возвышенностями и обширными лесами Фаэрия -- суровый и негостеприимный мир, дом свирепых, почти диких аборигенов. Такие воины являются идеальными кандидатами в Имперскую Армию, и поэтому с началом Великого крестового похода большая часть населения мира была взята на

службу для обеспечения важной поддержки
легионных астартес Императора.

Легион Железных Рук.

Существуют разрозненные, но
несущественные отчёты о роли легиона
Железных Рук и примарха Ферруса
Мануса во время оккупации планеты Огин-
Пять-Четыре Четыре. Десятый легион
сражался на главном пустынном
континенте, известном на языке местных
как "Кровах". Летописец [Цензура]
утверждает, что связь с называемым им
Горгоном примархом прервалась на время
наступления на несколько часов, и поэтому
Железные Руки последними достигли
цели. По возвращении примарх проявил
достаточно решимости, чтобы вовремя
завершить операцию, но
предшествовавшие его воссоединению с
легионом события остались загадкой.
[Цензура] постулирует, что в этом были
замешаны [Цензура] эльдары [Цензура], и
эти [Цензура] подстерегли Горгона
[Цензура].

Символ Ферруса Мануса.

Настоящая "Железная Рука" --- знак примарха Ферруса Мануса. Очевидно, что его наносят на доспехи легионеров X-го и на их технику, но мотив железной руки также часто присутствует в символике тех армейских дивизионов, которые служили частью боевой группы примарха. В случае собранных на Огин-Пять-Четыре Четыре войск это включает 144-ю когорту деговаркских протоиндустриалов и "Железную Десятку" клана Сорргол с самой Медузы. Возможно, что эта традиция имеет отношение к случаю, когда примарх сорвал перчатку со знамени легиона и подарил азиатским бригадам, первыми ворвавшимся во врата внутренних топок клана Тераватт.

Легион Гвардии Смерти.

Из всех войск на планете Огин-Пять-Четыре Четыре лишь возглавляемая примархом Мортарионом Гвардия Смерти состояла почти исключительно из легионеров. Остаётся лишь задаться, является ли это следствием презрения

XIV Легиона к слабости и хрупкости людей. Фактами же является полный раскол арктического плато, называемого местными Скааном, и систематическое уничтожение всех зданий и поселений в регионе. Посланные после вторжения сборщики докладывают, что именно из-за карательных акций Гвардии Смерти вклад арктического региона составляет меньше 0,5 % от общей добычи минеральных богатств..